

Роман Л. Петров

ПОСВЯЩЕНИЯ

тетрадь стихотворений

Роман Л. Петров

Посвящения

Тетрадь стихотворений

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 82-1
ББК 84-5
П30

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Петров Роман Л.
П30 Посвящения : Тетрадь стихотворений / Роман Л. Петров. — [б. м.] : Издательские решения, 2023. — 286 с.
ISBN 978-5-0059-6070-2

Тетрадь для сердца, для души,
Для творческого настроения,
Где автор говорит в тиши
Без сухости и поучения.
Где размышления, как нить,
Составлены в клубок событий,
И тот, кто сможет приступить,
Пройдёт сквозь череду открытий…

УДК 82-1
ББК 84-5

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Роман Л. Петров, 2023
© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2023
ISBN 978-5-0059-6070-2

Вышивка Polidomi (https://t.me/polidomi)

Главы

I. Эпиграф с биографией..... 8
II. Предисловие..... 9
III. Короткие..... 21
IV. Полудлинные..... 64
V. Длинные..... 104
VI. Давние..... 150
VII. Православные..... 180
VIII. Эпилог с эпитафией..... 207
IX. Отзывы..... 216
X. Фотоцитаты..... 224
XI. Минута прозы..... 256

Оглавление..... 279

Я увидел: нет большего блага, чем радоваться своим делам, ибо в этом и доля человека.
Еккл. 3:22

Тетрадкой вхожу в алый мир конкуренции[1]*;*
Сидел же в окопе — нет, по́днял главу…
Друзья, стих лишь средство мне против деменции,
«Поэтом» себя только в шутку зову.

Приветствую, мой долгожданный читатель!
Страницами рифм обниму вас сейчас,
Пойдёмте со мной в добрый путь, где мечтатель
Живёт яркой личностью в каждом из нас.
Дарю всё, что выразил, так будет честно,
Дарю, не посмею ни строчки продать,
У каждого творчества есть своё место,
Осталось и мне это место узнать.
Стихи на *прожарку*[2] (но только без мата),
Для всех, ведь советом я так дорожу,
Скажите мне прямо, открыто и сжато[3],
Насколько бездарно я в целом пишу.
Зачем это нужно? Чтоб такт камертона
Общественных мнений мне вынес вердикт,
Чтоб сильный и стрессовый выброс гормона
Внутри вновь разжёг позабытый конфликт:

[1] *Чан К., Моборн Р.* Стратегия голубого океана.
[2] Форма юмора, при которой объект публично подвергается унизительному высмеиванию для развлечения аудитории.
[3] http://romanpetrov.ru

Войну самомненья против сомненья
На поле измученной рифмой души,
Не ждёшь, а ударит кулак вдохновенья,
И ты, как в нокдауне — встань и пиши.
Такие дела… но зачем же *прожарка*?
Затем, чтоб под плетью живого суда
Душе б стало невыносимо и жарко,
И муза ушла б от меня навсегда.
Устал я, признаться, хотел бы покоя,
Забыться, сбежать от манящих речей,
Уйти, хоть израненным, с этого боя,
Развидеть, забыть… и как можно скорей.

16.10.2022

I. ЭПИГРАФ С БИОГРАФИЕЙ

Митя, ведь ты хороший человек, не пиши стихов.
А уж коли не можешь не писать, то, ради Бога,
не печатай.
А. В. Суворов — графу Д. И. Хвостову

Родился. Повзрослел. И счастливо прожил.
Трёх сыновей дал Бог от дорогой супруги.
Её я так люблю, что выше моих сил
Порой переживать короткие разлуки.
На этом, в общем, всё из жизни дней моих,
Не стану натирать самописаньем руки,
Тем более, ведь я из крепостных,
За что не волен различать заслуги[1].

[1] Лк. 17:10

II. ПРЕДИСЛОВИЕ

Если пчёлы исчезнут с поверхности земли,
человечеству останется не более
четырёх лет жизни.
Приписывается А. Эйнштейну

О, как я сердцем восхищался,
Когда в объятья устремлялся
Мелодий сладкозвучных лир, —
В мой внутренний сокрытый мир.

От автора

В порыве первого изданья,
Как начинающий поэт,
Желал бы я свои старанья
Представить вам в разрезе лет.
Пролог добавив сочиненью,
Придам тем вес произведенью
И, возойдя на постамент,
На все вопросы дам ответ.
Зачем писал? Когда трудился?

Давно ль до рифмы докатился?
Какие планы? Где пишу?
Что ем? Как сплю? И чем дышу?
Похвастаюсь совсем немного,
За критиков возьмусь я строго,
Дам вопрошающим ответ
И пожелающим совет.
Впишу в строфах повествованья
Рассказ о месте проживанья,
О детстве, юности, родне,
О жизни, быте и стране,
Страниц на двадцать о свободе,
О смысле жизни, о народе,
О чём-нибудь ещё потом,
Тем самым укрупняя том.
Поведаю свои стремленья,
Мечты, сомненья, увлеченья
И под словесный винегрет
Представлю собственный портрет.
Хотя меня без сожаленья
Терзают смутные сомненья,
Что столь распухшую тетрадь
Навряд ли захотят листать.
Поэтому я без вступлений,
Без ярких пламенных речей,
Без интервью, без выступлений,
Без пьедесталов, без огней
Здесь обойдусь и буду краток,
Чтобы стихов сухой остаток
Ничем иным не разбавлять,

Ничем не портить, не мешать.
Стихи с претензией на смысл,
Не на глубокую, но мысль
Вам предложить я буду рад;
Быть может, чей-то зоркий взгляд
Заметит знаки мимоходом
И, изучив, как шифр с кодом,
Успеет первым разгадать,
О чём же я хотел сказать.
Надеюсь, спрятанных здесь меток
Достаточно… И напоследок
Представлюсь вам: поэт Петров,
В стихах изрядный пустослов,
С обычным именем Роман
И звонкой рифмой «графоман».
Она и бьёт меня как раз
Не в бровь, а прямо в самый глаз.
Добро пожаловать, друзья!
Рассказ свой начинаю я…

Благодарности

От скудности воображенья
Стихи заглавил *Посвященья*,
Поскольку то, что описал,
Не сам придумал, но списал
С чудесных мест, мной посещенных,
С событий, с творческих людей,
Явлений ярких, вдохновенных

Средь жизни тающей моей.
Но это общее заглавье
Имеет личностный контекст;
Когда бы не одно б старанье,
На всей работе был бы крест.
Когда бы не было б вниманья
И вдохновляющих речей,
И искреннего ожиданья,
Не родилось в душе б моей
Ни строчки, не было б ни звука,
И были бы часы досуга
Пустой, безжизненной средой,
Бессмысленной и неживой.
С ним первым строчками делился,
Его порадовать стремился
Строфой нелепости любой,
И он всегда лишь добротой
Умел зажечь огонь стараний,
Без критики, без замечаний
И комплименты говорил,
Чтоб не задеть мой юный пыл,
Самолюбивый и ревнивый.
Что говорить, поэт ретивый,
Бывало, написав статью,
Прилежно душит ей семью,
Большим творцом себя считая
И искренне предвосхищая
Свой взлёт на высший пьедестал,
Хотя, по правде, всех достал.
Таким и я, увы, являюсь,

Пускай теперь уже стараюсь
Писать, не задирая нос,
Не ждать ни радости, ни слёз
От публики непостоянной
И в печь для совести тщеславной
Уж не подбрасываю дров.
Но окончательно здоров
Я мог бы стать, убрав стесненья,
Когда за музой вдохновенья
Помчусь, не думая о том,
Почём продам свой новый том.
Но кроме жизни *матерьяльной*
Над каждым умственным трудом
Довлеет камень колоссальный,
Он людям творческим знаком.
Ночей бессонных, дней страданий,
Когда ни холод и ни зной
Не утолят переживаний
И не дадут душе покой.
Когда несправедливой злобой
Тебя встречают подлецы
И с тупостью, порой особой,
Смеются над тобой глупцы;
Когда вокруг все равнодушны,
Так отвратительно бездушны,
Ты хочешь с творчеством порвать
И никогда впредь не писать.
Закрыться в горести несчастной,
Забыться, замолчать, терпеть,
Для музы, более напрасной,

Навеки сердце запереть,
И в скуку жизни погрузившись,
Уже ни жаждать, ни гореть,
И с творчеством своим простившись,
Спокойно и бесцельно тлеть…
Я благодарен, слава Богу! —
Что в жизни встретился он мне,
Кто своим сердцем понемногу
Способен даже был на дне
Нащупать творчества зачаток.
Его малейший отпечаток
Увидеть в непроглядной мгле,
Подобно спрятанной игле
Среди заваленного стога.
Таких, как я, нас было много.
Его порывы, вдохновенье,
Он сам поэт, каких уж нет,
Ума живое устремленье
И искренний душевный свет.
При глубине своих познаний
Имел он творческий динарий,
Возможно, даже бриллиант,
Но нечто больше, чем талант.
И я душою привязался,
И постепенно развивался
В стихах, меняя блеклый лик
На поэтический язык.
Его поддержке благодарен;
Когда, казалось, новый стих
Не до конца ещё заварен,

Он видел среди строчек сих
Какую-то живую мысль,
Какой-то мне неясный смысл
И моё сердце направлял,
И даже что-то исправлял.
И это чудное явленье
На протяженье многих лет
Дарило сердцу озаренье,
Неся душе превечный свет.
Он возжигал во мне лампаду,
Его отеческому взгляду
Я бесконечно доверял
И настежь сердце раскрывал,
И жаждал слышать его мненье,
Вот почему произведенье
Ему я смело посвятил.
Достоин этого ль я был?..
Вопрос, возможно, риторичен,
Но для меня небезразличен.
Сейчас же в пожилых летах
Мой духовник, поэт, монах,
Но молод он своей душою,
Такой свободной и живою,
Что не устанет восхищать
И, как и прежде, вдохновлять.
Молюсь я о его спасенье,
Дай Бог душе его прощенье,

Он мне и брат[1], и духовник,
К чьим похвалам я так привык.
И чтоб развеять подозренья
Несправедливости сужденья
О важности похвальных слов,
Я процитировать готов.
Рахманинов признался в речи,
И точной мысль его была:
Художнику нужны три вещи,
И трижды — это похвала.
Поспорить с этим невозможно,
И согласимся… осторожно
Полезно творчество хвалить,
Но только не переборщить.
Признаться, это ведь несложно —
Слегка поэта вдохновить,
А искренней поддержкой можно
В нём угли в пламень превратить.
И возродятся в сердце думы,
И мысль станет в нём ясней,
И в искрах разлетятся струны —
«Глаголом жечь сердца людей»[2],
И даже малые признанья
Падут, как зёрна на поля,

[1] Общие святые — братья Борис и Глеб.

[2] *Пушкин А. С.* Пророк.

Где благодатная земля,
Восстав от сна и ожиданья,
Заколосившись, расцветёт
И плод сторицей принесёт…

Вступление

Хотя от берегов Утопий
Мы несказанно далеко,
А в спорах о путях легко
Переломаем горы копий,
Ведь каждый указать готов,
Где нам достигнуть островов.
Но как решить одну загадку
Из глубины седых веков
Философических умов,
Искавших на неё отгадку,
Подобную знакомой всем
Из цикла школьных теорем:
Кто первый — курица, яйцо?
Где сходство явно налицо
С вопросом также без ответа,
Волнующий порой поэта —
Кто больший гений: сам творец
Или его понявший чтец?
Вопрос давно уже стоит,
Но разрешаться не спешит.
В экономическом сужденье
Лишь спрос рождает предложенье,

Такое правило давно
И повсеместно введено,
Поэтому зачем гадать,
Раз мысль можно перенять.
Переложив на новый лад,
Представить чуть похожий взгляд:
Какой имеет спрос читатель,
Таким и явится писатель,
Талантливым или простым,
Исполненным или пустым.
Так вот, чтоб не было вреда,
Цените вкус свой, господа.
Хороший автор как цветок —
Он благолепен и высок.
Его талант благоухает
И с каждой строчкой расцветает
Богатством творческий бутон,
Маня к себе со всех сторон
Читателей, как рой пчелиный,
Своею мыслию глубинной,
Незаштампованным умом
И восхитительным пером.
Но есть читатели иные,
У них и авторы другие,
Кто нежно им ласкает слух,
Они подобны кучке мух,
Чья цель жужжать всегда была.
Для них уродлива пчела
С её цветочным опыленьем,
Куда уж с большим упоеньем

Они садятся без труда
Вы сами знаете куда…
И эту мысль на страницах
Рассмотрим позже в новых лицах
С течением последних глав,
Где и рассудим, кто неправ.
Но всё же прежде, в подтвержденье,
Я вам представлю изреченье
О важности живущих пчёл.
Эйнштейн такой расчёт привёл:
Что без пчелы людей природа
Прокормит лишь четыре года.
И мне привиделось тогда,
Что очень схожая беда
У нас в классическом искусстве,
И если мы изменим в чувстве
И исказим свой нрав и дух,
Останется лишь царство мух.
С его душевным отравленьем,
Бесчеловечным униженьем,
Уничтожающей средой,
Безнравственной и очень злой.
Что ныне, впрочем, справедливо,
Безумие уже не диво
И современный правит бал,
Заняв собою пьедестал.
А пчёлы словно партизаны:
Часть, улетев в другие страны,
Старались, раскрывая дар,
Вернуть нам творческий нектар,

Источник чувства вдохновенья,
Пример высокого служенья,
Раскрыть загадки мастеров,
Постигнуть тайны русских слов.
И всем, кто слышал сердца стон,
Отдельный от меня поклон…
Пора уйти мне от вступленья,
Прошу, друзья, у вас прощенья,
Что здесь открыл свою печаль;
Мне правда будет очень жаль
Подобный мир вокруг оставить
И не пытаться в нём исправить
Хотя бы маленькую часть.
Ведь скоро может всё пропасть…
И наши будущие дети
Останутся на этом свете
С больной, израненной душой,
И будем мы тому виной.
Поэтому в своей тетради
Я так старался, правды ради,
Хоть что-то ценное сказать,
Хоть на немного нас поднять
От бурь житейского волненья
И, жизни светлые мгновенья
Собрав в единое звено,
Посеять доброе зерно.
Приступим же без промедленья.
Приятного вам дальше чтенья…

III. КОРОТКИЕ

Вдохновение

Сапфир поэзии бесценный,
Мелодий живописный слог,
И смысл жизни сокровенный,
И глубина бездонных строк…
Всё это творческой порою
Делил я искренне с тобою,
И тайны сердца постигал,
И на мгновенье прозревал
В лучах возвышенного слова,
И чувственной душою снова
Вдруг вдохновенье ощущал.

Моя любовь

Моя любовь, моя весна,
Рассвет торжественного утра,
Как звёзды в небе, как луна,
Как жемчуг ценный перламутра,
Среди моих спокойных дней
Явилась красотой своей
Великолепным вдохновеньем.
Прекрасна жизнь своим мгновеньем,
Несущая среди даров
Частичку вечности — Любовь.
Непросто, право, признаваться,
Пред всеми сердцем раскрываться
Несвойственно душе моей.
Пройти должно немало дней,
Пока внутри утихнут споры
И чувств угаснут уговоры,
Умолкнут голоса страстей,
Любви сопутствующих друзей.
И, убежав их действий шумных,
Согретый вдохновеньем вновь,
Как в небесах, в глазах лазурных
Увижу я свою любовь…

08.2007

Женщинам

Пред вами замирали короли,
Лишались сна, рассудка и сознанья,
Вы — главное сокровище Земли,
Вы — лучшее, что есть у Мирозданья!
Вы совершенны красотой своей,
Вы ослепительны и этим же опасны,
У вас есть власть свергать земных царей,
Вам поклоняются за то, что вы прекрасны!

04.03.2019

Поздравление

Благополучия тебе, и счастья, и добра,
Всего прекрасного, чего бы ты хотела,
Чтоб твоё сердце с самого утра
Созвучием любви и радости лишь пело.
Чтоб ты могла прочувствовать душой
Мелодий сладких вкус переживаний
И навсегда в объятиях с тобой
Был верный друг пленительных мечтаний.

27.12.2012

Полине

Признаюсь я тебе, Полина,
Что счастлив я без лишних слов,
Ты моя жизнь и половина,
И мой спасительный покров.
Поэт, бывает, неудачно,
В период перезревших лет,
Пытается сказать изящно,
Но получается лишь бред.
Такой и я, увы, ты знаешь,
Какие бы ни брал слова,
Ты наперёд всё понимаешь,
Что моя мысль не нова…
Ну и пускай, убрав сомненья
И в руки взяв букет цветов,
Я поздравляю с днём рожденья
И с нежностью твоих годов…
Прости, забыл я что-то ныне,
Тебе исполнилось… всего…
Хотя простительна мужчине
В летах забывчивость его.
Ты молода и так красива,
Вся благолепия полна,
Ты весела, слегка пуглива
И не по возрасту умна.
Твоя улыбка окрыляет,
И речь прекрасна, как родник,
Наряд, как дорогой цветник,
Всё в нашем доме украшает.

Во сне ль, в тумане ль, наяву,
Тобой горжусь и восхищаюсь,
Люблю тебя, тобой живу
И этой жизнью наслаждаюсь!

24.09.2015

Сообщение

Приезжай! Там — прохлада и тлен,
Приезжай, даже если сомнение,
Здесь — закажем имбирный глинтвейн
И начнём поднимать настроение…

Солнечное

И остановимся на время,
И прекратим безумный бег
В объятьях волн душистых нег
Песочно-солнечного племя.
Летим, мой ангел, на моря
Из плена серого ненастья
На остров радости и счастья,
Где и оставим якоря.
Там у причала нам горят огни,
И райский сад сопрятан средь развалин,
И мы с тобой вдвоём, и мы с тобой одни,
И мы с тобой сплетение всех таин.

06.10.2013

Ко дню рождения

(на следующий год)

Моя Полина, с днём рожденья,
Я поздравляю тебя вновь
Мой нежный ангел вдохновенья,
Моя прекрасная любовь.
Великолепная, как прежде,
Ты восхищаешь красотой,
И в упоительной надежде
Спешу увидеться с тобой.
Спешу, обняв тебя за плечи,
Шептать влюблённые слова,
От сердца пламенные речи,
Чтоб вновь кружилась голова.
Чтоб вихрь мыслей вдохновенных
Явил свой образ неземной
В словах и в чувствах самых нежных,
Достойных лишь тебя одной.

24.09.2011

Себеж

Тропинка к озеру в лесу,
С которой в сердце я несу
Воспоминания и радость:
Соцветие счастливых дней,
Душистый мёд весны моей,
Отдохновение и праздность.
Чудесное место в уютной тиши,
Дыханье свободы и шёпот души,
Озеро памяти, лес детских снов,
Бусы из ягод и нити грибов…

20.05.2019

Из Петербурга

Привет из Питера, друзья!
Один я вырвался на волю,
На пару дней оставил Полю,
Оставлены и сыновья.
Но здесь, у невских берегов,
Нет сожаления разлуки —
Я в счастье раскрываю руки,
В слезах сжимая град Петров…
Санкт-Петербург — огонь и драйв!
Санкт-Петербург — любви столица!
Санкт-Петербург — восторг и кайф!
И преступленье — не влюбиться!

25.05.2022

В Москву

Съездить в отпуск в Москву
Этой осенью зыбкой
И, бросая ногами золотую листву,
Восхищённо смотреть на прохожих с улыбкой,
Говоря комплименты на каждом шагу.
Эти дни вдохновенны, хоть немало капризны,
Я врываюсь в их мир и всё время бегу
Тротуарами снов, переулками жизни,
Торжествуя, что жив, что я жив наяву…

02.09.2015

Сочи

Пока, милый Сочи! Почти со слезами
Взлетаю в надежде увидеться вновь,
Ты стал вдруг любимым, и над городами,
В которых я видел, что правит любовь.
Приеду, приеду и не сомневаюсь,
Вернусь, где шумит заводной «Мандарин»,
Но я не скажу, никому не признаюсь,
Что чувствовал здесь один на один.
И горы, и снег, и камни на пляже
Дарили тепло, — всё казалось родным.
И ночь без отеля в прогулках, и даже…
Ах, это секрет… пусть он будет моим.

29.09.2022

Украина

Я люблю Украину за тёмные ночи,
За певучий язык, за красивых людей,
За её хутора, за поля и за рощи,
И за то, что нет в мире народа родней;
За культуру и быт, за обычай и нравы,
За традицию, веру и доблесть сынов,
За единство побед! За наследников славы!
— За любовь между нами! И во веки веков…

15.04.2016

В саду

В саду у берега Гнилушки,
В приятной теплоте костра
Мы пьём чаи, вкушаем плюшки,
Вдыхаем свежесть сентября;
И безмятежная сонливость
Мне во сто крат сейчас милей, —
Не стоит летняя кичливость
Ни капли слёз осенних дней.

05.10.2013

❁ ❁ ❁

Какая осень золотая,
Какая тёплая пора!
И как смеётся детвора,
Её нарядами играя…

❁ ❁ ❁

Я счастлив слышать смех детей
И видеть блеск в глазах,
Их правда во сто крат честней,
Чем правда в мудрецах.

15.09.2015

Окно в зиму

Вот осень слёзно отступает,
Зима придёт — возьмёт своё.
А серость дней мне намекает —
Как тщетно наше *бытиё*…

12.11.2015

Детское предновогоднее

Вот чехарда в календаре —
Пришёл октябрь в декабре!
Забыл взять приглашение,
Принёс мне «поздравление».
Холодным дождиком облил
И Новый год мне отменил.
Скажу «спасибо» октябрю,
Но насморк этот поборю!
Не нужно мне таких даров,
Хочу я быть всегда здоров!

21.12.2015

❁ ❁ ❁

Родился Пушкин! С днём рожденья всех
Ценителей его поэзии и прозы,
В ком возбуждал он радость или смех,
А может, даже искренние слёзы.

06.06.2013

Весеннее

Зима недаром злится…
Ф. И. Тютчев

Кто всё сломал? И чья вина?
И что за представление?!
Ещё вчера была весна,
А это — ограбление!
Сегодня снег идёт стеной,
И вихри кружат вальс,
Что ж послужило тут виной?
— Пальто забыл, февраль-с…

22.03.2015

Диетическое

На ужин позову друзей:
Салат, морковь и сельдерей!

Гарсон

Вкусопленительный Юпитер,
Воспоминаний дивный сон —
Зима. Мороз. Промозглый Питер,
И тёплой сказкой в нём — «Гарсон»…

❁ ❁ ❁

Умом Россию не понять…
Ф. И. Тютчев

Холодный ум, конечно, узок,
Чтобы Россию понимать…
Тем более, когда рассудок
Мечтает только покупать.
Но ведь она не продаётся,
Её и силой не забрать,
И что ж, друзья, нам остаётся?
— *В неё поверить* и принять!

03.04.2022

Посвящение М. Казинику

Созвучный лире глас прелестный,
Такой же бархатно-чудесный,
Весёлый, добрый, заводной,
Он окрыляет красотой,
Вершиной творческих гармоний
И восхитительных мелодий…
Дай Бог вам много славных лет
Нести в твореньях Вечный свет.

❁ ❁ ❁

Поэт, мы знаем, вид упрямый
И может стать большой занозой;
Его мы лечим эпиграммой,
И никогда — презренной прозой.

❁ ❁ ❁

Он звал нас с собой! В поэтический мир!
— С вином, поэтессами, в местный трактир.

❁ ❁ ❁

В его грубой лести, лишь запах цены,
С такими «друзьями» — враги не нужны!

Рецензия

С предвосхищеньем взял ваш том,
Ах, первая строка манит,
А дальше — полусонный дрём,
И?! … что хотел сказать пиит?
А впрочем, слушайте себя,
Тем более у нас бывали трения…
И вы используете строчки Бытия,
Не дописав источник вдохновения.

❁ ❁ ❁

Люблю читать я вашу книгу,
Её эффект меня сражает,
Пускай не вижу в ней и фигу,
Снотворное с ней отдыхает…

Эпиграмма №1

Свобода слова либерала
Едва ль изящнее вандала —
Он оппонента втопчет в бан,
Когда в обмане пойман сам.

Маэстро стёр всё обсужденье?
Весьма культурный человек…
Оригинальное решенье
В наш цифровой публичный век.
Служитель патоки орфейный
С риторикой не совладал,
Пусть в технике несовременный,
Но кнопку цензора познал.

Эпиграмма №2

Иль я не дружен с головой,
Иль взор во власти искушенья, —
Священник с редкой бородой
В *фейсбуке*[1] строчит сообщенья.
В том нет новинки — я привык,
Пусть пишет для спасенья душ,
Но он коверкает язык
И вместо Слова несёт чушь.

[1] Здесь и далее — запрещённая соцсеть в РФ.

Эпиграмма №3

Смешно, угрожая насилием,
Трясти интеллектуальным бессилием.

Нет, правда, оставьте вы эту дуэль,
Хоть яростны ваши потуги,
Но мыслите вы, словно блудный кобель
В надежде унять свои муки.
И шансы на это не то чтобы ноль —
Они в отрицательной зоне.
Вы самый отважный, раз выбрали роль
Мешка в поэтическом бое.

18.02.2022

Эпиграмма №4

Она была не то что б девой,
Скорее всё наоборот —
Её соперницей умелой,
Её полнейший антипод.

Когда с едва прикрытым телом
Жена кладёт себя в *фейсбук*,
То, очевидно, с важным делом
Не дорабатывал супруг.
Пускай бездельник в униженье,

Пускай рвёт на себе власы,
Она на общее сужденье
Выносит все свои красы.
Пред взором судей представая,
Шутя, кокетливо взывая,
В игривой позе юных лет
Запечатлён её портрет.
— А муж? Что муж… как в лужу сел,
И вроде как бы не у дел,
И социальная рука
Ему *«налайкала»* рога…

10.06.2014

❁ ❁ ❁

Вот на экране королева!
Алина! Ангел красоты!
Великолепна справа, слева,
Но мои помыслы чисты!
Она — звезда на этой сессии,
Она — богиня! Боже мой!
Она там «Лучший по профессии»,
Но я теряюсь по какой…

08.12.2022

❁ ❁ ❁

Беда не в том, что критик он журнальный,
Его протест не трудно мне понять,
Проблема в том, что слишком он *навальный* —
И вот за это могут *навалять*.

2011

Ответ

Вы правы, да, я графоман,
Спасибо, мой любезный критик,
Об этом всё я знаю сам,
А за рекламу вам — полтинник.

Первая

Memento mori[1]

Мне нравится, шёпот вечерней
Свечи догорающей дрожь,
Что первая станет последней,
Что правда покроет всю ложь.
И если злословят[2] — прекрасно,
И если шлют прочь — ерунда,
Жизнь хороша и опасна,
Пока не дойдёшь до Суда…

12.12.2022

О гордости

Какая может быть беда
Высокомерия и чванства?
Ну, репутация засранца
И одинокая судьба…
И даром никому не нужен,
Раз самость — верная жена,
Когда был с ранних лет контужен
Гордыней мнимого ума.

[1] Лат. «Помни о смерти».
[2] 1Кор. 4:12—13.

Об отношениях

— Как жизнь твоя, приятель мой?
Ты изменился. Сам не свой.
— Да так… жена меня достала!
— Ужель? А что она сказала?
— «Не надо мне любви и злата,
И твоих ласок…»
— О! Свежо!..
— Сгорел сарай, гори и хата!
А в остальном всё хорошо…

06.12.2022

О потреблении

Мы стали вещи покупать
С забвеньем упоительным,
За что и слово «потреблять»
Признали существительным.

О спекуляциях

Посвящение Иванову Евгению —
другу и финансовому гению

Знание некоторых принципов легко
возмещает незнание некоторых фактов.
К. А. Гельвеций

Когда на рынке дух единства
И жажда быстрых *прибыле́й*,
И все пьяны от лихоимства —
Пора б «*к столу подать свиней!*»[1]

О финансовой грамотности

О чём говорит нам старик Кийосаки?[2]
Работа, зарплата, страданья и пот?
Нет! Важен лишь только пассивный доход,
Всё остальное пустое и враки.

[1] *Найман Э.* Малая энциклопедия трейдера.
[2] *Кийосаки Р.* Богатый папа, бедный папа.

О грамотности

Прошу простить великодушно.
Спешил, напутал простодушно,
Не знал — забыл, и вот — ошибки…
А помнишь, классик нам сказал:
«*Как уст румяных без улыбки…*»?
Он явно в этом понимал…

06.12.2022

О целях

Различны, как ни посмотри,
Подходы к постановке целей:
У них — «*Иль сделай, иль умри*»[1],
У нас — «*Умри, но всё же сделай!*»
Нам даже смерть не оправданье,
Один уйдёт иль миллион, —
Есть цель, есть план и есть желанье
На черепах поставить трон.

02.02.2017

[1] Do or die, англ. поговорка.

О скорби

Я там скорблю и тут скорблю,
Но никого не призываю,
Скорбеть для виду не люблю,
А перед всеми — не желаю.

О свободе слова

Админ от чата отключил;
Хоть *бан* — орудие не ново,
Но вспомните, как был нам мил
Святой девиз свободы слова[1]!
Иль он не действует уже,
Когда угроза европейцам?
Иль не осталось Фаберже,
Куда приделать нежным тельцам?
Нет-нет, совсем наоборот!
В словах, приписанных Вольтеру,
Наш символ, наш культурный код,
Наш манифест борьбы за веру!

15.10.2022

[1] «Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить». Холл Э. (приписывается Вольтеру).

О пароле

Пароль надёжный содержал:
«Ряд чисел, буквы, пунктуацию,
Сюжет, завязку, кульминацию
И… неожиданный финал!»[1]

23.12.2021

Картина

Мысль изречённая есть ложь.
Ф. И. Тютчев

Как передать картину на словах,
Её цветов гармонию и силу,
Всю красоту движения в мазках,
Всю гамму чувств, всё восхищенье стилю?..

03.09.2022

[1] Подсмотрено на плакате в отделе технической поддержки: «Ваш пароль должен содержать цифры, буквы, знаки пунктуации, завязку, развитие, кульминацию и неожиданный финал».

Одноразовая жизнь

И почему влечёт людей
Мир одноразовых вещей,
Мир одноразовых друзей
И всяких низменных затей?
Какой-то беспробудный бред
В гламурном пафосе бесед,
Где ярких красок через край,
Таким и кажется им рай,
Летящих по наклону вниз —
Сквозь одноразовую жизнь…

13.01.2013

Реклама №1

Желающим предаться неге
На греческом песчаном бреге,
Среди компании младой
В период осени златой,
В кругу друзей, подруг красивых,
Возвышенно благочестивых,
Куда зовут мои друзья,
И где, возможно, буду я…
Прошу скорее обращаться,
Ведь есть возможность распрощаться
С унылой грустью серых дней
И быть нам вместе, где теплей…

30.04.2015

Реклама №2

(по Маяковскому)

— Граждане, не проходите мимо!
Что вылупили изумлённые взгляды?
Вам съездить в Грецию необходимо —
Растрясёте засидевшие зады!
— Что? Кризис вам виноват?!
Бросьте! Страх, лень — вот причины!
Оставьте осени городской смрад —
Возьмите песчаное море чужбины!

Реклама №3

Друзья, встречайте — «Артлемон»!
Он принесёт вам вдохновенье
В тот самый миг и в то мгновенье,
Когда войдёт в ваш славный дом!
Созвучьем масла и холста
В шедеврах или же эскизах,
Но как всегда — с душой в картинах:
Ведь *мир спасет лишь Красота*[1]!

Реклама №4

…И яркий сочный вкус искусства
Добавит свежести в ваш дом,
И оживить прекрасным чувства
Всегда поможет — «Артлемон»!

Реклама №5

Ты знаешь о курортах всё.
И понимаешь — юг России
Несовременен, не твоё, —
Ах, просто ты не видел «Мрии»!
Её манеры — высший свет,

[1] *Достоевский Ф. М.* Идиот.

Она добра и терпелива,
Очаровательно красива
И шлёт свой ласковый привет.
И непременно просит в гости
В любой удобный день и час, —
Дела, сомненья — всё отбросьте,
Она ждёт вас! И только вас!

06.02.2018

Отзыв

Кафе прекрасное, хороший выбор блюд,
Немного дорого, но это не проблема,
Мне ж в голову засела одна тема,
И раз спросили, то отвечу тут.
Вот думаю, на время затаюсь,
Пока смущает слоган ваш рекламный[1],
Он для меня, признаюсь, очень странный,
А на рекламу я порой ведусь.
Как говорит обычно моя муза:
«Для нас важна еда божественного вкуса».

27.05.2022

[1] «Чертовски вкусная еда».

❁ ❁ ❁

Санкт-Петербург. Культурный шок.
Разрыв шаблонного ума.
Ну как ты в самом центре мог
Открыть харчевню «Шаурма»?

❁ ❁ ❁

Но вызвать чувства — невеликий труд,
Вот сохранить их — сложная задача,
Глупец лишь думает, что в низости он крут,
Звеня как медь, но ничего не знача;
Как говорит апостол[1]: «Без любви,
Хоть все пророчества и тайны мне известны,
Все чудеса, всю веру прояви,
Но ты — ничто, а речи твои пресны».
Любовь, в его словах, долготерпи́т
И милосердствует без зависти и фальши,
Всё покрывает, всему верит, всё простит
И никогда не перестанет *дальше*.

[1] 1Кор. 13:4—8.

❁ ❁ ❁

Спешу обрадовать, друзья,
Родился сын — всё слава Богу,
Вкусив вчерашнюю тревогу,
Моя пополнилась семья!

19.07.2011

❁ ❁ ❁

С наследником гуляя по Арбату,
Вполне за символическую плату,
Как память растворяющихся лет,
Мы заказали дружеский портрет.

19.04.2014

На пятилетие

Пять лет назад мы обвенчались,
Но без торжеств и тамады,
Без всякой брачной чехарды
Тогда в семью мы превращались;
И вот проходят времена,
И открываются итоги:
Какие зреют семена,

Какие выбраны дороги?
Идём ли мы своим путём,
Иль по течению плывём,
Как все вокруг, вкушая вновь,
Печаль, и радость, и любовь?..

03.10.2015

❁ ❁ ❁

Пополнился наш мир мужчин,
Родился сам, без операций,
Сегодня ночью третий сын,
Герою с мамой шквал оваций!

15.11.2017

Закопайте меня на Луне

На последнем году
Я в предсмертном бреду,
Пребывая сознаньем во сне,
И шепчу, и хриплю,
И кричу, и молю:
«Закопайте меня на Луне…»

23.07.2015

История СССР

Чтоб в лужу в споре не попасть,
Смотрю историю Советов,
Где каждый прежний, как напасть,
С каким-то собственным приветом:
«Волюнтарист», «шпион» и «враг»,
«Предатель», подкосивший башню[1]…
Какой-то вирус *мема… баг*,
Когда смешно, но очень страшно.
То — лучшая народа часть!
Пародия, ну прямо Чичиков,
Какая ж, друг мой, это власть
Друг друга злобно-ненавистников?
Жизнь человека подлинней,
Чем вся их славная история[2] —
Сброд инородных палачей
С вождём, что труп из лепрозория.
Их утопичная идея
Всеусреднения людей —
Одна сплошная диарея
С кровавым троном из костей.
Ну и какой там спор теперь,
Раз несекретно это знание:
Что это — кара, «красный зверь»,
Тюрьма, проклятье, наказание…
Вы возразите, знаю, мне,

[1] Быт. 11:4.
[2] История СССР — 69 лет (с 30.12.1922 по 26.12.1991).

Что я испачкал вас в мазуте,
«Что победили мы в войне!»,
«Что жили, словно в Болливуде!»,
«И были гении у нас!»,
«И никого не осуждали!»,
«А как же мы живём сейчас?!»,
«Таких лишений мы не знали!».
— Да, да, всё это ясно мне,
Все эти споры-пересуды…
А как мы думаем… в тюрьме,
Там есть талантливые люди?..

10.12.2022

Комментарий

— Сплошные бредни! Возражаю!
— Пиши, издай, я почитаю…
Но мысли сжато приведи,
Чтоб не стошнило от «воды».

Ультиматум

Потомки сталинских птенцов!
Откроем тайны для своих?
Запустим суд[1] за кровь отцов[2]?
Войдём в обитель «злая злых»[3]?

План спецоперации

1. Войти в проклятый мавзолей.
2. Зачистить лютый ад червей.
3. Спустить в анналы атавизма
Их главаря — чумного Слизня.

[1] Лк. 11:50—51.
[2] В том числе священников и других новомучеников.
[3] Архивы КГБ жертв репрессий.

❁ ❁ ❁

Сценария у стресса три:
Бей! Беги! Или замри!

Она бежала из России,
Ей было стыдно за страну,
Она сказала, что мы злые
И у диктатора в плену.
Но я молчу, сказать не смею:
«Свобода — счастье на земле».
Я понимаю, сожалею,
Но остаюсь на корабле…

❁ ❁ ❁

В Раю ведь всё нам было можно,
И заповедь была — одна,
Не справились… да, было сложно,
Внушенья сила нам страшна.

❁ ❁ ❁

Адам был сотворён из праха,
А Ева из его ребра,
А мы? Из жидкости?.. И страха,
Что род прервётся? Стоп игра?
Когда я вижу гордеца,
Порой об этом вспоминаю.
— Твоё ж начало из конца,
И твой финал примерно знаю.
Гордыни — две, одна беда,
Их мерзость только разъедает,
Но гордость сердца — увядает,
Ума гордыня — никогда…

Донос

Адам сказал: жена, которую Ты мне дал,
она дала мне от дерева, и я ел.
Быт 3:12

Жизнь рвёт меня гипотенузой:
То на допросе — то в тюрьме…
Как сочинять, так вместе с музой,
Как на расстрел — так только мне.

❁ ❁ ❁

И оглянулся я на все дела мои, которые сделали
руки мои, и на труд, которым трудился я,
делая их: и вот, всё — суета и томление духа,
и нет от них пользы под солнцем!
Еккл. 2:11

Отмщенье — Богу, Он воздаст.
Жизнь без Любви пуста и тщетна,
А в остальном — Екклесиаст:
Всё суета и ловля ветра…

❁ ❁ ❁

Себе же лгу, что я смиряюсь,
Душа противится тому.
Тщеславлюсь тем, что не тщеславлюсь,
Хожу кругами всё… по дну.

Апокалиптическое

В те дни люди будут искать смерти,
но не найдут её; пожелают умереть,
но смерть убежит от них.
Откр. 9:6

В предсмертном выдохе времён
Блудница отожжёт с огнём[1].

❁ ❁ ❁

А вдруг в последних временах
От бездны до небесных сводов
Мы все потонем в «чудесах»[2]
На зрелище синхронных дронов?

[1] Откр. 17:16.
[2] Мф. 24:24.

❁ ❁ ❁

Посвящение Алле, моей дорогой маме
(Память +17.04.2015 г.)

В Раю будем удивляться трижды:
первое, что не увидим там тех, кого
ожидали увидеть, второе, что увидим
там тех, кого не ожидали увидеть, и,
третье, что оказались там сами.
Неизвестный автор

Благословенная земля,
Куда стремится дух бессильный,
Слезами радости обильной
Пройти в бескрайние поля.
И там расплакаться от счастья,
И восхищаться, и молить,
И удивляться, удивляться,
И жить, и мыслить, и любить.

IV. ПОЛУДЛИННЫЕ

Притча о народе

По мотивам рассказа «О глупых горожанах» из книги «Несвятые святые» архимандрита Тихона (Шевкунова).

Какой бы ни был наш народ,
История расставит точки,
Но вместе мы какой-то сброд
И гении поодиночке…

Под гнётом царственных мужей
Народ российский находился.
Не выдержав стальных цепей,
Он к Богу с горечью взмолился:
«Невыносимо! Мы без сил
Терпеть правителя такого, —
Он мелкий пакостный зоил,
Лишил свободы нас и слова.
К чему такой злодей нам дан?
Он вор, он жулик, он тиран.
Недалеко с ним до войны!

Его скорее прогони
И поищи для нас другого —
Хорошего чтоб и простого».
Ответа ждут… ответа нет,
Лишь солнца жаркий летний свет
Спадал на плитку площадную.
Народ стоял, внимал, взывал
И взоры к небу обращал,
Соединяясь в цепь живую.
Проходят дни, сменяя ночи,
И вот, что было в людях мочи,
С последних сил их дух воззвал…
И Глас средь неба отвечал:
«Искал Я вам сынов достойных,
По вашим прошеным словам,
По вашей жизни, по делам
Мог оценить всех недовольных,
И то, что было, и привёл,
Искал вам хуже… не нашёл».

12.05.2012

Поэт

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
А. С. Пушкин

Не прерывай свой глас, певец,
Когда весь мир тебя сжигает,
Когда холодный гул сердец
Твой голос гордо заглушает.
Не прерывай свой глас, певец,
Сопрятав смысл в строчках пенья,
Ты не придворный рабский льстец,
А прозорливец вдохновенья!
Не прерывай свой глас, певец,
Спеши им Бога славословить,
Ты можешь этим уготовить
Душе своей златой венец.
Не прерывай свой глас, певец,
Пронзи бесчувственные струны,
Чтоб звуки жизни, наконец,
Затмили сердца злые думы.

Чего бояться мне

Страх есть вера в триумф зла.
отец Герман (Подмошенский)

Чего бояться мне, кого мне опасаться?
Я вечностью мечтал бы наслаждаться,
А жизнь земная просто краткий миг:
Родился, повзрослел, состарился и сник.
Вопрос в другом: чем быстрое мгновенье,
Занявшее тобой, быть может, целый век,
Заполнится в конце? Какого рода зелье
Вольётся в океан из русла бурных рек?
Что принесём в небесные чертоги,
Каким плодом оставим в жизни след?
Раз Бог — Творец, и люди, верно, боги[1],
А не рабы под плетью смертных лет.
В чём ценность мне от временного тела?
Оно сгниёт, уйдя из мира вон,
Так разве ль нет мне никакого дела,
Исчезну ль весь я после похорон?
И если моя плоть изъедена червями
Уже на третий день сложения в гробу,
Какая разница, с какими же телами
Плестись к концу чрез бренную тропу?
И только лишь душа летает, где желает,
Её полет наверх не ведает преград,
И лишь она… одна сейчас решает,

[1] Быт. 1:27, Быт. 3:22, Ин. 10:34—35

Останется от нас елей иль трупный яд.
Так что переживать, чего же опасаться?
Я жизни не держусь и смерти не ищу,
Даст Бог, пока не время расставаться,
Скорей о неизвестности грущу.
Не знаю, сколько времени осталось,
И как захлопнет крышку моей жизни гроб,
Но мне так искренне хотелось и мечталось,
Чтоб обо мне, хоть кто-нибудь, перекрестил
свой лоб,
Чтоб жизни линия, истерзанная битвой,
Исчезнувшая вдруг бесследно, как заря,
Под вашей искренней и жертвенной молитвой
Была поистине мной прожита не зря.
Так с кем мне воевать, а с кем мне просто
драться?
Кого не замечать, зря силы не губя?
Чего бояться мне, кого мне опасаться?
Я понял вдруг одно — *и только лишь себя*…

06.10.2013

Сон

Торжественный я пребываю на сцене,
Держу статуэтку, фанфары в трубе,
Окутан тщеславием в сахарной пене
И кланяюсь, кланяюсь шумной толпе.
Приятно, приятно, о миг долгожданный,
Какой я счастливый, как радостно мне,
Настал в моей жизни момент самый главный,
Как долго мечтал о сегодняшнем дне!
Я всем улыбаюсь и непринуждённо
Пытаюсь шутить, чтоб начать свою речь,
Меня ободряют, волненье огромно,
Игра состоялась и стоила свеч…
Но вдруг всё сменилось, я в грязном подвале,
Истерзанный весь от кровавой резни,
Пред смертью вновь вижу людей в этом зале,
Их крик снова громкий, но только: «Распни!».

26.10.2022

Музей-усадьба «Поленово»

Где живописными лугами
Преображается река
И искривлёнными лучами
Течёт поспешная Ока,
Где вдоль лесных тропинок узких
Ещё является покой —
В таких местах старинно-русских
Я наслаждаюсь красотой!
Где есть усадьбы вековые,
Или имения в садах,
Иль даже избы расписные —
Туда я мчу на всех парах.
Подальше городского гула,
Подальше от народных масс,
От общих и банальных фраз,
Где жизнь давно уже уснула.
Но здесь, среди былых эпох,
Запечатлённая холстами,
Есть красоты глубокий вдох,
И вдохновенье быть творцами.

19.09.2015

Дом-музей Чуковского

Дом неприметный и неброский,
В котором жил не так давно
Корней Иванович Чуковский;
Здесь всё, друзья, сохранено,
Как и положено музею:
Шкафы, убранства, кабинет
И, что особенно лелею, —
Черновики последних лет.
В саду есть древо с башмаками,
И где-то бродит Бармалей,
Здесь Айболит живёт с друзьями
И лечит маленьких зверей.
Там Мойдодыр и Цокотуха,
В болоте плачет бегемот,
Здесь всё знакомое для слуха,
Здесь детство с радостью живёт.

27.09.2015

О Сирии

Одна из главных в мире тем:
Ряд лидеров, задрав дубину,
Колотят в Сирии пустыню —
И ведь не спросят их: «Зачем?»
Поскольку дух патриотизма,
Поскольку зло от терроризма,
Вопросов нет — идёт борьба,
А с ней бомбёжка и стрельба.
Воюют там довольно долго,
Бомбят, бомбят, а всё без толка,
Какая ж цель? Какой финал?
Где здесь конец или причал?
Всё в мире как-то прозаично:
Ведь что не бизнес — безразлично,
Ресурсы, верно, правят бал,
А «*люди гибнут за металл*»[1].
И нет здесь места откровенью,
Ведь очевидно, к сожаленью,
Что Сирия у нас, друзья,
Как прачечная для белья.
Где под хлопушки и петарды
В песок спускают миллиарды.

06.12.2015

[1] *Гуно Ш.* Опера «Фауст».

О враждебном окружении

…И перекуют они мечи свои на орала, и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать.
Ис. 2:4, Мих. 4:3

Пока был крик: «Попы́ у власти!»,
В неё пролезли «сапоги»,
Попы́ остались, но отчасти,
Зато теперь — кругом враги;
Плечом к плечу, в своей спецроте,
Лежим в заснеженном тылу,
Полоска узкая на доте,
И из неё мы бьём по злу.
Наш командир, начальник штаба,
Признался, что *гребёт один*,
Но под себя… клешнёю *краба*,
Вот огребать — так вместе с ним!
Но мы не против, мы немало
И до него спасли вождей,
Перекуём, друзья ж, орала
В защиту доблестных властей!

29.11.2015

Моя Россия

Но я люблю — за что, не знаю сам…
М. Ю. Лермонтов

Героев мало в наше время —
Всё грубый, низкий, пошлый люд,
И возрастёт с пустого семя
Иль лицедей, иль лизоблюд.

Да здравствует моя Россия!
Страна героев — не рабов,
Не знавшая со дня Батыя
Завоевания врагов.
Ты не склонялась головою,
Не падала пред всеми ниц,
Всегда была сама собою
И не боялась злобных лиц.
Непобедимая твердыня
Многоиспорченных зубов,
Всенеприступная княгиня
В объятьях преданных сынов.
Страна великих полководцев,
Учёных, гениев, святых,
Мыслителей, первопроходцев,
Создателей передовых.
Твоими славными веками,
Блистающими временами
Я восхищался сам не свой,
Крича: «Я твой, Россия, твой!

Я сопричастник твоей жизни,
Я здесь с тобой, в моей отчизне,
Я не сбегу и не предам,
И буду жить назло ветрам…»
Восторженная эйфория,
Счастливый, я тебя хвалю:
«Моя прекрасная Россия,
Я искренне тебя люблю!»
Но вдруг нисходит пробужденье,
Пронзая прядь седых веков,
И наступает сожаленье
От прежних восхищённых слов:
В тумане облачного дыма,
Под шум несущихся ветров,
Беда уже необратима —
Приходит время подлецов.
Людей без принципов и чести,
Зловонный, шумный, грязный ор,
И с кровожадной жаждой мести
Для всех, кто им наперекор.
И моя бедная Россия
У грубых варваров в плену —
Вандалов грозная стихия,
Тебя несущая ко дну.
И болью давит ностальгия,
Вонзая в сердце острый нож,
Многострадальная Россия
В плену лжецарственных вельмож…
Но полно прошлым жить всё время,
Лечить бальзамом старых дней

Болезней нынешнее семя
Без операций и врачей.
Где полководец? Где строитель?
Где твои славные сыны?
Где твой герой, святой, спаситель?
Ужель сбежали из страны?
Но кулаком ударив о́б стол,
Зову себя на строгий суд —
Есть хоть один живой апостол
Среди бесчисленных иуд?
И взяв копьё в поход на змия,
Я Богу о тебе молюсь,
Моя распятая Россия,
Моя растерзанная Русь…

21.03.2013

До встречи

(заключительная запись в фейсбуке)

Как говорят друзья мои,
Вокруг, увы, карикатура,
Что дни спокойные прошли
И наступила диктатура.
И снова культ, и снова визг,
В Кремле опять «отец народов»,
Страна в следах багровых брызг
В феодализме сумасбродов.
Живём в строю, в дыму войны,
Нас доят вежливо и мирно,
Здесь вольно думать не должны,
Здесь мыслят по команде: «Смирно!»
Пора и мне залечь на дно
И удалиться из соцсети,
И отдохнуть, пока темно,
Друзья, до встречи — на рассвете…

26.02.2016

Последний император

Уходит власть из моих рук —
Я больше не король,
Звучит набата грозный звук,
И утекает роль;
Вновь площадное меньшинство
Вершит свой приговор,
Оно безумно и черство,
Их аргумент — топор.
Но мне, признаться, всё равно:
Не им меня судить,
Они ведут меня на дно,
Чтоб в тишине убить.
Психологический пузырь
Взорвался на глазах,
Восстал таившийся упырь,
Разверзнув древний страх.
Все ждали новых перемен,
Питая зло ко мне,
Но вот их всадник на коне
Несёт столетний плен.
Своим мечом он всех рубил,
Мешая в липкий фарш,
Но страх давал им новых сил
Шагать под его марш;
Он мстил за свой былой позор,
Как раздражённый зверь,
Вся власть дана ему теперь,
Он нынче — приговор.

А я — история уже,
Мой смертный час пришёл:
«Свершилось…» — говорю душе
И падаю на пол…

14.09.2015

Эпиграмма на А. Невзорова

Он очень любит лошадей
И больше никого не любит.
Он — единица для нулей,
А мыслей нет в нём и не будет;
Он рвёт истории вуаль,
Развесив внутренности текста,
Но, понимая суть протеста,
По крайней мере, дядю жаль.
И громогласно он лютует,
И его буйство не унять,
И он в устах своих смакует,
Что неприлично смаковать.
Любимец гордых острословов,
Забытый Богом журналист,
Непримиримый атеист —
И вдруг по папе… Богомолов.
Занятная белиберда,
В роду нельзя же без приколов,
Но казус, в общем, не беда,
Когда по матушке — Невзоров.

02.08.2015

Эпиграмма на Д. Быкова

Quod licet Jovi, non licet bovi[1].

Вздыхает безнадёжно гений:
Его непревзойдённый труд
Без всяких лишних угрызений
Решил доделать[2] Зильбертруд;
И, вставив пушкинские строки
Поверх своих унылых строф,
Всё тот же тучный пустослов
Всё те же обнажил пороки:
Зачем же с Пушкиным равняться,
Подделкой наводя тоску?
Пора и Быкову признаться —
Не всё дозволено быку.

25.03.2015

[1] Лат. «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».
[2] *Быков Д.* Евгений Онегин 10 глава (реконструкция).

❁ ❁ ❁

«*Прощай, немытая Россия…*»
Что ж, Лермонтов так не писал[1].
Здесь рифмы нет[2]. Сбой. Аритмия.
Но либерал возликовал…
Теперь в любом удобном месте
Он извлекает сей «кинжал»;
И хоть в познаниях провал,
Пусть действует из жалкой мести,
Ведь он действительно не знал,
О чём поэт тогда сказал.
А мы напомним. В эпилоге,
В год смерти (сорок первый год[3]),
После лишений и невзгод
Он пишет следующие строки:
«Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,

[1] «Стихотворение — фейк?» // URL https://youtu.be/17nx_CQmqWc, 30.11.2022
[2] «…немытая Россия» — «…мундиры голубые»
[3] 1841 г. — год смерти М. Ю. Лермонтова

Разливы рек её, подобные морям…»
А про «немытую Россию»
Оставим на душе у тех,
Кто для корысти и утех,
Склонив подобострастно выю,
Усердно накрахмаля зад,
Продать её всегда был рад…
И лгут же про него лет двести
Заложники чужих идей;
Он — офицер, подвижник чести,
И не предаст[1], как вы, друзей…

04.12.2022

[1] «Быть может, за стеной Кавказа укроюсь…» — за кавказским хребтом находились территории Турции и Персии, укрыться из числа военных мог только дезертир.

Пародия

Ты утаил сие от мудрых и разумных
и открыл то младенцам.
Мф. 11:25

«Стада страдали. Страдивари
Взял скрипку и водил смычком…»
Таким комичным языком
Новопоэты завывали,
Когда учил их славный враль
Петь нечто и туманну даль.
О ты, *казиньевская* муза,
Что плоска телом и душой,
Смешная фурия конфуза —
Маэстро увлечён тобой.
Прошу, уймись, минул твой час,
Не соблазняй, былая фея,
Не мучай страстного Орфея,
Помилуй же его и нас…
Сомкни уста своей свирели,
Не наноси ему урон,
Он ведь хороший, хоть масон
Из «Сорок пятой параллели».
Он просветитель, музыкант,
Поэт, философ, мнимый гений,
Искусствовед, актёр и франт,
Искатель сказочных феерий.
Дельфинов нежный почитатель,
Рыбопоклонник да мечтатель:

«Лениакея…», «Млечный путь…»,
Того-сего, слегка, чуть-чуть,
Бах, Пастернак, Эйнштейн, Бетховен,
— Он так речист, так многословен —
Чайковский, Моцарт, Пушкин, Григ,
— Он следопыт звучаний книг —
Кузанский, Данте, Гёссе, Манн,
Кто не проникся, тот — болван.
Большой любитель философий,
Особенно таких теорий,
Где есть деление людей
На демос, охлос и вождей.
Или такая его тема,
Что для меня уже дилемма:
Вдруг Шопенгауэр фашист?
Раз поделил людей на классы,
Сказав, что есть такие массы —
Потребны к высшему служенью,
А остальные — к размноженью…
И наш герой то повторял[1],
И даже будто смаковал,
Как фарисей или законник,
Пусть ум за разум шёл порой;
Но он прекрасен, он живой,
Наш плюшевый *фантасмагорик*,
Весёлый клоун или клон?..
Вопрос, похоже, как в романе

[1] Тайные знаки культуры (выпуск от 15.02.2009). *М. Казиник.* https://youtu.be/ci6ibxbmSKM?t=897, 26.12.2022.

Внезапно посланный Татьяне
Через её тревожный сон.
«*Онегин — что ж?..*» — вдруг осознанье:
«*Чужих причуд истолкованье,*
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?».
Всё поняла тогда Татьяна,
Когда решилась угадать
Героя своего романа,
И ясно стала замечать
Его отметки, размышленья,
Движения карандаша,
Вопросы, чёрточки, сомненья,
Чем полнилась его душа…
Увидела она «…*Жуана,*
Да с ним ещё два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек (…)
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой, (…)
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом…»
И тут вернусь я изначально
К герою текста моего,
Которого посмел нахально
Облечь в шутливое трико.
Где рядом сахарная фея,
Таков сценический дуэт
Сквозь многие десятки лет,
Как главный образ лицедея

С надёжным давним реноме:
Сам у себя лишь на уме…
Его, признаюсь, лично знал,
Он проживал в моей квартире,
И потому бы я желал
Остаться с ним в худом, но мире.
Где — я? Где — он! Тут нет сомненья,
Он знаменит на целый свет,
Богат, умён, лет тридцать швед,
А я — пятно от раздраженья…
Пора бы мне и замолчать,
Чтоб не предаться пустословью,
За всё ответить лично кровью,
Ну а труды отдать в печать…

26.12.2022

Дух бунтарства

Где дух протеста и бунтарства,
Неподчинения властям,
Гроза царей, князей и царства —
Там суд и казнь на страх врагам.
Там силой, свыше тебе данной,
Ты выжигал любой протест,
Под вой толпы до крови жадной
По новой воздвигал свой крест.
И вот, вонзив венок терновый,
Ты руки вымыть был бы рад,
Но Вечность видит всё… По новой —
Две тысячи тому назад:
Иисус, апостолы, пророки…
А был ли бунтарём Христос?[1]
Пусть ты не выучил уроки,
Но время есть задать вопрос…

10.12.2022

[1] Мф. 23:27, Ин. 2:15, Ин. 18:21—22.

Цветы и жизнь

Пешкóвым мысль внесена,
Что дети — это… цветы жизни.
Но дети, больше семена,
Они малы, ещё капризны.
Цветы по праву — женский пол,
Их благолепие — явленье,
Весь мир расцвёл лишь в то мгновенье,
Когда вернули им престол.
Их теплота, неповторимость,
Своя у каждой красота —
Великая непостижимость,
Недостижимая мечта…
Они, как должно королеве,
Познали славу и порок,
Вместили всё: змею на древе
Или Того носили в чреве,
Кого весь мир вместить не мог.
С них завертелось мирозданье,
Весь мир поныне ходуном,
Искусство, творчество, познанье
К ним выстроились на поклон.
Они, как соль Произведенья,
Второй шаг Гения Творца[1],
Источник чувств и восхищенья,
Чистейший символ образца…

[1] Новое творение гения лучше предыдущего.

Я вас любил…

Я вас… или не вас?.. Иль не любил…
Нет, точно! Что-то было, я же помню,
Когда из нас двоих вдруг кто-то стал не мил
И не составил своей паре ровню.
Любил ли я? Как думаете вы?
Хоть это, право, странно, но… возможно,
Но отчего-то чувства той любви
Мне вспоминать совсем уже не сложно.
Прошли года, и слава Богу им,
Что важное тогда — они подвергли тлену,
Что прошлое рассеялось, как дым,
И новое пришло ему на смену.
Теперь живу я в тишине садов,
С женой в согласии, и у меня два сына,
И я забыл уже, в конце концов,
Что было там, и в чём была причина.

03.03.2015

❁ ❁ ❁

Не пей, народ великорусский,
Не унижай свою ты стать,
Твой путь тяжёл, он слишком узкий,
Чтоб, оступившись, устоять.
Пишу ни с праздного веселья,
Ни в назидание отцам,
Не от пустого самомненья,
А с болью в сердце ко всем нам.
Какого только преступленья,
Рождённого большим вином,
Не совершили мы со злом
И с чувством, полным исступленья…
К чему тускнеет призрак твой
В развалинах былой скульптуры?
— Чтоб верно нам явить с натуры
Трагедии пример живой!
В сём омуте полупечальный
Ты, словно хищник, одичал,
И цену золота назвал
Души своей многострадальной.
О мой болезненный народ,
В своих стезях категоричен:
Ты или свят — иль демоничен,
И страшен, как водоворот.
Но вечно будучи с тобой,
Твоих стремлений не оставлю, —
Ты свят своею глубиной,
Ты свят — и в этом Бога славлю!

На Рублёвке

И власть уже без лишних слов
Меняет заповеди вышних:
Любите собственных врагов
За счёт страданий своих ближних.

На Рублёвке *мегапати* —
Сельский слёт столичной знати,
Сбор *графьёв* и их *ледéй*
Из неведомых степей;
Речи все благочестивы:
Фьючи, *спот*, *деривативы*,
Опционы, нефть и *нал*,
Кто почём валюту взял.
Открывать же вечеринку
Привели красотку Зинку,
Расписную *мудмазель*,
Длинноногую модель;
Все столы одеты в яства,
Бочки всякие для пьянства,
Лобстер, стерлядь, фуа-гра,
В центре — чёрная икра.
А на сцене представленья:
Шутки, танцы, песнопенья,
Популярный трубадур
Развлекает светских кур.
Вечеринка вся в разгаре,
Каждой твари тут по паре,
Не хватает одного —

Смысла этого всего.
Льют шампанское рекой,
Праздник выдался лихой,
Потому пора как раз
Прояснить, о чём рассказ.
Смысл в данном сочиненье —
Рассказать о «замещенье»,
Импорт нынче дорогой:
Пармезан, хамон — долой!
Вы про санкции слыхали?
Давят нашу вертикаль,
Но не все, увы, желали
Быть в строю… А очень жаль.
Тяжело летать в Европу,
Но Европе — просто к нам.
Объясните остолопу,
Почему легко врагам?
К нам приехать им дешевле,
К ним — дороже, это факт,
Бить себя у нас издревле —
Крайне популярный акт.
Взять квартиру. Вот те нате:
Тридцать лет кредит платил,
Чтоб квадраты в этой хате
Задарма француз купил?!
В евро у него зарплата,
У меня же — всё рубли;
Мы ему подняли злато,
А себя свели в нули…
Европейцам просто праздник

Учудил наш царь-проказник:
Всех холопов наказал
И публично оттаскал;
Государь не разобрался,
Видно, заговор бояр,
Подложивших циркуляр:
«Бей своих, чтоб враг боялся».
Или были с ним мы грубы?
Объясните всё же мне:
Лямку папе дали в зубы,
А тянуть пришлось стране.
Осерчал за что-то барин?
Подвели его поди?
Завсегда дурак — крестьянин,
Умные у нас — вожди…
Царствуют они, как могут,
Что с болванов нынче взять?
Вот без власти все потонут,
С ней же — будут выплывать.
И чтоб жили, не мечтая
О строительстве здесь рая,
Власть прижмёт раба к земле
С гематомой на челе:
Вот налог тебе, народ.
— Под живот!
Коммуналке ты не рад?
— На под зад!
Деньги дай на капремонт.
— Наглый жмот!
Евро получи под сто.

— Не за что!...
И закрой свой наглый рот:
Ты — банкрот!
И не надо возмущаться,
Враг снаружи, здесь — мир счастья,
Проживём свой век терпя,
Тихо, молча, не скрипя...
Но Рублёвка... *Мегапати*...
Праздник у солидной знати,
И довольные собой
Барин, девки и конвой.

13.08.2015

Офис

(по мотивам американского сериала)

— График — плохой, халтура одна!
Он некрасивый!
(Сказала она.)

— Компьютер поломан с вчерашнего дня!
Он снова висит!
(Сказала она.)

— В рекламе я вижу другая цена!
Быстрей поднимай!
(Сказала она.)

— Сумма убытка, к несчастью, точна…
Он очень огромный!
(Сказала она.)

— У нас конференция! Где же «Казна»?!
— Не может войти!
(Сказала она.)

— Шли файл по почте! Мне цифра нужна!
— Но он не влезает!
(Сказала она.)

— Заявку оформили, а дальше — стена…
Как-то туго идёт…
(Сказала она.)

— Нас *ко́вид* накрыл! Вторая волна!
Теперь даже глубже!
(Сказала она.)

— Идеи нужны! Ну, хоть мысль одна!
— Не лезет и в голову!
(Сказала она.)

— Цели поставлены, задача сложна!
Мне там нужны двое!
(Сказала она.)

— Всё плотно во встречах и нет здесь «окна»…
Входите все сразу!
(Сказала она.)

11.12.2022

Награда

Мой дядя[1] нынче лауреат[2],
За нобелевкой в Осло едет,
Любой такой картинке рад,
А мне же светит, но не греет.
Как на растяжке я стою,
Увы, в немыслимом шпагате,
Как без страховки устаю
Висеть руками на канате…
Ведь тут — не там, здесь по-другому,
Наградой может «прилететь»
Тебе и мне… вообще любому,
«Добро» иль «зло»? — Как посмотреть…
Коллизия такого рода,
Что рвётся новостная лента:
Я — родственник «врага народа»
И «иностранного агента»…

09.12.2022

[1] Петров Никита Васильевич, российский историк и общественный деятель. Заместитель председателя Совета Научно-информационного и просветительского центра общества «Мемориал» (здесь и далее — признан в России иностранным агентом и ликвидирован) (из Википедии).

[2] Нобелевская премия мира 2022 года была присуждена в том числе российской правозащитной организации «Мемориал», церемония награждения прошла 10.12.2022 г. в г. Осло (Норвегия).

О санкционных напитках

— С винцом в груди и жаждой мести?
— Обиды не страшась, не требуя винца!
А. С. Пушкин М. Ю. Лермонтову
о секретах стихосложения (юмор)

Кто пьёт на празднике текилу,
А кто-то виски или ром,
Иные граппу через силу,
Лишь я — соседский самогон;
Вино, шампанское, самбуку,
Арак, портвейн или вино,
Кто коньяком набил уж руку,
А кто-то с хересом давно.
Абсент иль бренди с маотаем,
Бурбон иль джин — нам всё мило,
О, как же близко мы их знаем!
О, как пленительно их зло!
Малага, вермут или перри,
Сакэ, мадера, кальвадос,
Печально нам, по крайней мере,
Что запретили их привоз.
Вот мы друзьями были раньше,
Довольно близкими причём,
За шумным праздничным столом
В нас не было ни капли фальши.

Но славные деньки отстали,
Нам знаться нынче — моветон,
Бурбон и бренди променяли
На водку, спирт и самогон…

21.12.2015

Петроградский вояж

В Санкт-Петербург нас ждёт вояж,
В культурный центр всероссийский.
— *Бонжур*, Нева и Эрмитаж!
И монумент Александрийский,
И Зимний царственный дворец,
И Летний сад! К вам, наконец,
Я выбрался, в родные дали,
И Грибоедовский канал!
О, если бы, друзья, вы знали,
Как долго я по вам скучал!
Соборы, парки и аллеи,
Дворцы, каналы и пруды,
Душе приятные сады,
Мелодий соловьиных трели.
Как не любить тебя, Петров,
Мой город вдохновенно-дерзкий?
В колье гранитных берегов
Твой образ царственно-имперский!
Твоих побед над царством зла
Всепобеждающим искусством,

С особым мессианским чувством
Творишь ты славные дела!
Твоих сынов и дочерей
Я встретил здесь живые лица,
Корона русская царей,
Культуры славная столица!
Пять лет прошло, когда зимою,
Когда Нева была во льду,
Мы забывались здесь с тобою
В стихоплетенческом бреду.
В «Гарсоне», в «Счастье», взяв бокалы,
С тобою пили брудершафт,
За твою стать, за твой ландшафт,
Обнявшись нежно, как коалы.
А что творила осень с нами?
Срывая с крыши городов,
Нас уносило вверх ногами
В объятья царскосельских снов.
Но время молодости буйной
Прошло, оставив нежный вкус,
Я верил, верил, что вернусь
Опять к тебе, мой город чудный!
И вот сбылось — я снова здесь,
И ночь бела, как одеяло,
Я растворяюсь в этом весь,
Как и всегда с тобой бывало…

08.06.2015

Прощайте, годы молодые

Прощайте, годы молодые!
Вас больше не увижу я,
Промчались, словно почтовые,
И дальше скачут без меня;
Для новых молодых людей
Открыта славная дорога,
Желаю вам, друзья, от Бога
Великих творческих идей!
Оставьте пыль чужих сомнений,
«Авторитетов» шлите прочь —
Разрежьте сеть ограничений,
Пронзайте светом мрак и ночь!
Не бойтесь буйных осуждений —
Всё познаётся по плодам[1],
Кто идиот, кто чистый гений —
Судить не этим временам[2]!

12.04.2015

[1] Мф. 7:16

[2] «Another age must be the judge» — Charles Babbage, 1837. Надпись в музее истории вычислительной техники в Маунтин-Вью, Калифорния.

Принципы

1. Идти вперёд и не стесняться.
2. Не осуждать и не бояться.
3. Не сглаживать края углов.
4. Бежать от грязных грубых слов.
5. Суд над собой вершить скорей.
6. Бить по страстям, а не людей.
7. Причину видеть, корень, суть.
8. Прямым соделать в жизни путь.
9. Просить, прощать, простить, молить.
10. Противников всегда любить.
11. Искать друзей умней себя.
12. Быть добрым, скромным, не трубя.
13. Всё время новому учиться.
14. Познаниями не кичиться.
15. Хвалить застенчивых и робких.
16. Поддерживать простых и кротких.
17. Гнушаться общества глупцов.
18. Смирять, по мере, гордецов.
19. А самому — всегда творить.
20. И плод для Бога приносить.

10.12.2022

V. ДЛИННЫЕ

Размышление о человеке

(по мотивам компьютерной игры)

Посвящение Виталию Яковлевичу Корчагину[1]*,*
моему тренеру и воспитателю

Возьми себе в образец героя древних времен,
наблюдай его, иди за ним вслед, поравняйся,
обгони — слава тебе!
А. В. Суворов

[1] Виталий Корчагин. Телепередача «Старше всех!» // URL https://www.1tv.ru/shows/55plus/vystupleniya/volevoy-bodibilder-vitaliy-korchagin-starshe-vseh-fragment-vypuska-ot-05-11-2017, 27.11.2022 г.

У тела есть душа, а у души есть дух,
Питай их красотой — храни от пищи мух!

Вот человек, он триедин?
Живут в нём дух, душа и тело?
Или я мыслю неумело,
Когда он, вроде бы, один?
Попробую поразмышлять,
Хоть представленье крайне бедно,
Как мысли в голове собрать,
Чтоб передать словами верно.
Представим, *геймер у компа*,
Качая в *РПГ* героя,
Идёт, как сложена тропа,
И *фармит экспу* с поля боя.
Громит он *мобов* не страшась,
Во имя света или мира,
За шагом шаг, в бою учась,
С мечтой *надропать овергира*.
И, получая *левел-ап*,
Он развивает свои силы,
Плюсуя для героя *скилы*,
Пока тот не упрётся в *кап*.
Ещё в сообществе *респект*,
Когда он денно или нощно
Растит с *агиллой* интеллект,
Чтоб зло крушить предельно мощно.
Там *имба лега, глиф* и *голд*,
Фулсеты, бижа, крабошмот.
И *гем*, и *баф, резист, валор*,

Свой мир, свой культ и свой фольклор.
Ещё там океан названий,
Различных фраз, что заклинаний:
Ачив, респаун, аффикс, спелл,
И прочий, прочий беспредел.
Вне темы всё, конечно, бред,
Но это *сленг*, увы, не боле,
Английских слов заметный след,
И выбор общества той роли.
Есть подчинённые, свой класс,
Команды, *боты, личи, пати*,
Созвездие высокой знати
И рейтинги народных масс.
Все — игроки, но есть создатель,
Известный мировой издатель,
Непревзойдённой высоты,
Идей, баланса, красоты.
Где человек — творец безмерный,
Пусть рукотворного мирка,
Что показала нам «Пурга»
В картине яркой и нетленной.
Где борются и ад, и рай
По правилам своей вселенной.
И в этой жизни полубренной
Есть выбор: хочешь — не играй.
В реальной жизни чуть иначе,
Хотя похоже: ад и рай,
Прокачка перса, гиры, патчи,
Рандомный лут, билд и саплай.
Враги — всё *мобы*, реже — *убер*,

Мы сами *нубы* или *вайн*,
Есть *левел*, выше, значит супер,
И свой у каждого *таймлайн*.
Мы *ролим, крафтим* или *майним*,
Чтоб отличаться остальных,
Чтоб не остаться самым крайним,
В своих глазах, в глазах других.
И мыслим: «Как бы состояться?
И не страдать, а ярко жить,
Как в серой массе выделяться?»
— Аналогично, может быть?..
Подобно игровому *чару,*
Кем ты играл, кто твой герой,
Если угодно, *аватару*
В ассоциации с тобой.
С кем столько времени ты вместе,
Кому ты добывал комплект,
Прошёл через бои и *квесты*
За силу, ловкость, интеллект…
Ты возразишь: «Всё, не похоже:
Там смерти нет — одна игра,
А жизнь сложнее и дороже,
И нет того инвентаря…»
— Прекрасно, если понимаешь,
Зря время в играх не губя,
Ведь ты, как личность представляешь,
Что инвестируешь в себя.
Первичные для нас заботы:
Сон, пища, воздух и вода.
Не всё для нас достанут *боты*,

Придётся лично иногда.
Кто развивает сферы тела:
Здоровье, деньги, силу, власть,
Хоть труд, хоть спорт, хоть своё дело,
Допустим, им сложней пропасть.
Пока ты молод, это важно,
Энергии пока полно,
Ещё не так, быть может, страшно,
Ещё не так всем всё равно.
Бери и делай, шаг за шагом,
Качай свой ум, *качай* себя,
Ищи возможность в деле всяком,
Где интересно для тебя.
Пойми людей, узнай повадки,
Будь независим от всего,
Чтоб выйти из внезапной схватки,
Не покалечив своего.
Трудись, копи себе свободу,
Отдельно мысли от других,
Не спорь, не лей словами воду,
Не начинай трудов пустых.
Ты ценен и всего достоин,
Ты избранный — как *нефалем*,
Такой же победитель-воин,
Носитель древних диадем.
Ты личной воли предводитель,
А тело, как бы описать,
Нам не начальник — исполнитель,
Его задача выполнять.
И с ним прогресс начальный всё же,

У тела есть всегда *дедлайн*,
Пройдёт лет сорок, реже — больше,
И завершится бодрый *прайм*.
Тебя *понерфят*, станешь слабым,
Растают прежние мечты,
И с грустным взором будешь ты
Смотреть назад с ненужным *крапом*…
И здесь не телу дифирамбы,
Оно важно, и спору нет,
Оставим же клише и штампы
С мечтами юношеских лет.
Пусть будет уровень повыше,
Возьми к *прокачке* новый *стат*,
Душа — к великому поближе,
Её приятней развивать.
Питай её высокой мыслью,
Раскрой на добрые дела —
Нектаром да цветочной пылью,
Чтоб возрастала и цвела.
Займись наукой и культурой,
Стань как учёный, музыкант,
Картиной, музыкой, скульптурой
Раскрой свой гений, свой талант.
Как прорывной изобретатель,
Как заводной предприниматель,
Кому вторичен звон монет,
В идеях покорить весь свет.
Для тела — пища и свобода,
Здоровье, деньги и комфорт,
И прочий, но подобный род,

Такая ж у него природа.
Душа же следует сюрпризу,
Ей важен творческий порыв,
Стремится вверх, но может к низу,
И вместо неба вдруг обрыв.
Душа природой выше тела,
Нет для неё земных преград,
Всё жаждет творческого дела,
А праздность для неё как яд.
Твори, исследуй, развивайся,
Читай, пиши, изобретай,
Всему, что ново — открывайся,
Всему, что близко — доверяй.
Весь мир исполнен кладом знаний,
Часть под ногами, часть в глуби.
К нему колодец испытаний
Для прохождений и борьбы.
Найди свой путь, свою награду,
Внутри тебя есть все ключи,
И выйди в мир, неся лампаду,
Пусть озаряют нас лучи.
Душа живая, ей приятно,
Когда она творит добро,
Преумножая радость жадно,
Как золото, как серебро…
Но вот, мы близимся к финалу,
К малопонятному фиалу:
А что есть дух и где он есть?
Кто знает про него? Бог весть…
Он скрыт от нашего мышленья,

Непостижим для разуменья,
И мир наш вряд ли для него —
Он в нас, но где-то глубоко.
Никто сказать не может точно.
Кто прикоснулся — тот молчит,
А кто-то в поисках бессрочно,
Но большинством он всё ж забыт.
А дух ждёт часа и причины;
(Как пояснил мне атеист,
Сперва, что: «дух с душой едины»,
Потом — что «нет их», вот, артист!).
Для духа сила на молитве
И в добродетельных делах,
Они, как меч в незримой битве,
Об этом может знать монах.
И знает… вверх его дорога —
Мир пресен, скучен, спит во зле,
Святые для него подмога,
Дух верен Богу, плоть — земле.
Я не монах и рад стараться,
Но размышляю часто вслух:
Как в своём «я» мне разобраться?
Я — тело, я — душа, я — дух?..
Так улучшая каждый навык,
Мы развиваем персонаж,
Его характер и типаж…
Представим путь его, как график:
Какой избрал приоритет,
Какой предмет стал самый ценным,
Таким и будет весь сюжет —

Унылым или полноценным.
Ну, как-то так, могу добавить,
Заканчивая этот труд,
Простите, что посмел разбавить
Игрушкой рифмоплётный зуд.
Кому и так здесь всё понятно,
Без аллегорий и затей,
Без тайных смыслов и идей,
Пусть даже речь не столь опрятна.
Мне ж самому теперь ясней,
О чём я думал многократно.
Писать для молодых людей
Мне было важно и приятно.

P. S.

Найду ль в природе триединство,
Чтоб подтвердить идейный жар?
Вот уникальное единство:
Вода — как лёд, вода — как пар.
Где тело, где душа, где дух,
Рассудит тот, чей слух не глух.

13.02.2022

Пушкин

Кто ж против Пушкина строчит,
Лишь оскверняет свои мысли,
Сочувствуйте! Он — инвалид,
В прямом и переносном смысле.

Окончил я свою «поэму»,
Что года полтора писал,
И вот, её черёд настал
В фейсбуке озаглавить тему;
Страниц набралось — двадцать пять,
И под пятой рифмоплетений
Распухла старая тетрадь
Былых стихов и посвящений…

Какой же Пушкин *сукин сын*[1],
Какой же редкостный похабник,
Большой наглец, отважный бабник —
И умудрился стать «святым».
Его, как Солнце, превозносят,
Его во всём боготворят
И с придыханьем произносят
Его стихи на разный лад;
Его помпезно выставляют

[1] «Трагедия моя кончена; я перечёл её вслух, один, и бил в ладоши, и кричал, ай да Пушкин! ай да сукин сын!» — из письма А. С. Пушкина Петру Вяземскому о завершении работы над трагедией «Борис Годунов», 1825.

На золочёный пьедестал,
Он здесь кумир, пред ним все тают,
Ему звучит живой хорал;
Он наша совесть, цвет эпохи,
Вершина мысли, апогей,
Ему мы дарим наши вздохи,
Ему льём царственный елей.
Ему и туш, и дифирамбы,
Фанфары, гимны, то и сё,
Ему построили и храм бы:
Ведь он великий *наше всё*.
Но для чего? Какой здесь смысл?
Найдётся ли одна хоть мысль,
Способная мне объяснить,
Зачем вокруг такая прыть?
Был он повеса очень пылкий —
Со *знойной кровью*[1], говорят,
За что расплачивался ссылкой,
К тому ж был злостный дуэлянт.
Адреналина не хватало
Ему в пылающем нутре,
И ядовито злое жало
Он обнажал в своём пере.
И, кстати, он не самородок,
Да, сладкогласен, да — речист,
Но, безусловно, всем нам дорог
Затем, что знатный оптимист.

[1] *Тютчев Ф. И.* 29-е января 1837 г. «Ты был богов орган живой, / Но с кровью в жилах… знойной кровью».

Что не рыдал в строфах слезами,
Не пел разлуку и печаль,
И тонко мог, двумя словами,
Сорвать мудрёную вуаль
С лица надменного народа.
Мог довести и сумасброда
— Для своих собственных утех —
Любезно, на глазах у всех…
Без меры шлёпал эпиграммы,
Чем знатно *троллил*[1] высший свет,
Спускал их вирусные штаммы
На дам, галантный наш поэт.
Он не гнушался, с позволенья,
Ничем в победе над врагом
И даже капли сожаленья
Не изливал своим пером.
Он мнил, что он пророк заветный[2],
Что должен жечь сердца людей —
И вправду жёг… и был известный
Полу-Гефест, полу-Орфей.
Бывало, он дурачил славно,
Писал пошлейший мадригал.
И выглядел весьма забавно
Наш не скучающий нахал.
Но, вместе с тем, так чисто, звонко,

[1] Провокационные действия для разжигания конфликта.

[2] *Пушкин А. С.* Пророк. «И Бога глас ко мне воззвал: / Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею Моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей».

Так иронично и смешно
Он извлекал из рифмы тонко
Великолепное руно.
Ковры плелись его узором,
И под его орлиным взором
Не укрывалось ничего —
Он мастер дела своего.
В порыве нежности, бывало,
Он шёл ковать свой меч в орало,
Но если чуть водоворот —
Ковал его наоборот.
Напитками из едкой пены
Он угощал своих врагов,
Срезал их низменные члены
Наш виртуозный острослов;
Громил вельмож и генералов,
Царей[1], священников[2] и знать[3],
Народ бессмысленный[4], вассалов
И не щадил на то тетрадь.
Но перед женственной особой,
Перед нежнейшей красотой
Не мог он совладать с природой —
Влюблялся, в чувствах сам не свой.
Плетеньями из хитрой лести

[1] *Пушкин А. С.* Ты и я (Александру I).
[2] *Пушкин А. С.* Мы добрых граждан позабавим.
[3] *Пушкин А. С.* Полу-милорд, полу-купец…
[4] *Пушкин А. С.* Поэт и толпа. «Молчи, бессмысленный народ, / Поденщик, раб нужды, забот! / Несносен мне твой ропот дерзкий/ Ты червь земли…»

Он опьянял красоткам слух
И представал как рыцарь чести —
Аж перехватывало дух!
Пред ними мигом унимался
И мелким бесом рассыпался,
Хотя до этого, как вол,
Мог растоптать и слабый пол.
Но вот я слышу возмущенья
Из поэтических кругов:
С какого это позволенья
Явил я столько бойких слов,
Противных памяти поэта;
С какого, скажем так, привета
И где забыл свой скудный ум,
Родивший столько дерзких дум
И клеветнического бреда
На светлого авторитета?
— Ты говоришь про эпиграммы.
Но это вздор! Подумай сам:
Как можно эти миллиграммы
Искать, где целый океан?
Тем более, они смешные,
Живые, сочные и злые —
Для максимального вреда,
Как полагается всегда.
Блестяще, ярко, виртуозно,
Ведь только гению возможно
Всего лишь парой метких фраз
Попасть не в бровь, а прямо в глаз.
Иной раз грубо, ну и что же?

Подумаешь, большой скандал!
Всё это очень уж похоже
На твой решительный провал.
Бескрайний океан творений
И россыпь жемчуга под ним —
Не может быть иных здесь мнений,
Мы твою наглость не простим.
Неуважительно и резко
Ты отзываешься о нём
И, словно Моська, так же дерзко
Тягаться вздумал со слоном.
А как же лирика, любезный?
Хотя твой лепет бесполезный
Признаться, всех нас усыпил,
И, верно, автор, ты зоил.
— Да, понимаю и не спорю.
Пусть будет так… Большому горю
Я предаваться не хочу
И гордый нос не ворочу.
Но я последую примеру:
Остановлю свой резвый бег,
Представлю вам иную сферу,
О чём писал сей человек…
Ведь музыка любви поэта
Лишь в избранных стихах была,
Где солнцем вечности согрета
И нежным ландышем цвела
Его прославленная лира,
Благоухающее миро,
Как благозвучный перезвон.

Но не всегда ведь в унисон
Он пел с красотами Вселенной,
А иногда мог, извратясь,
Начать копать земную грязь.
Перескажу одно виденье,
Открывшееся наяву.
Представьте: горное теченье,
Поток, несущийся по рву
На край огромного обрыва…
И с громким шумом, так красиво
Свод вод срывался камнем вниз
В живой источник вдохновенья,
Искусства, творчества, мышленья,
Ума первосвященных риз.
Из этой каменной породы
Лились кристальнейшие воды
Невероятной чистоты;
Дар слова, мыслей, красоты
Был всем, кто этих вод касался,
В них гений жизни раскрывался,
И чувства тонкою струёй
Соединялися с рекой.
Певцы питались вдохновеньем
И родничком сплетались с ним,
И были Солнца отраженьем,
А мир земной им был чужим.
Он был им скучным, неприятным,
Неинтересным и пустым,
Тоскливым, гордым, неопрятным,
Хвастливым, чуждым и больным.

Внизу — там кровь, там зло и войны,
Там грязь болот и страшный мор,
И люди крайне недостойны
Внимать их вечный разговор.
Но от избытка в сердце боли
Преисполнялись их уста,
Чтобы развеять мрак неволи
В загоне брошенном скота.
Их ненавидели — и что же?
Кому во мраке нужен свет,
Когда привыкли в грязной ложе
Здесь возлежать так много лет?
Но как поток, неудержимо,
Не ведая земных преград,
Их долг — срывать неумолимо
Замки́ от заржавевших врат.
Так с нестерпимой острой болью
Сердца их устремлялись вниз,
Чтобы исполнить землю солью[1];
Чтоб в людях не сгнивала жизнь.
Открыть им горние вершины,
Поднять их головы на миг
Из окружающей трясины,
К которой человек привык.
Привык… нелепо и безвольно,
В водовороте серых дней,
Тонуть и гибнуть добровольно
В безумном омуте страстей.

[1] Мф. 5:13.

Но гении ведь тоже люди —
С чуть, правда, странной головой
И с неуёмным в сердце зуде,
Своей *безуминкой* чудной.
И даже им порой, бывало,
Взывать о вечном утомляло,
И всё, о чём душа в них пела,
Смиряло немощное тело.
Что ж, постоянство неприятно,
И Солнце забирал закат.
Затмение, Луна и пятна
Вставали перед ними в ряд —
Хотелось мира, денег, славы,
Покоем жажду утолить.
Порой ведь хочется отравы,
Когда несносно дальше жить.
А каково петь о высоком?
Зачем страдать и мыслить дни,
Быть отрешённым, быть пророком,
Когда они здесь не нужны?
Зачем себя слать на закланье?
Продайся пламенной душой,
Останови своё страданье —
Весь мир отныне будет твой.
Тебя не остановит тленье,
Ты станешь как сосуд живой,
Вот только лишь сердцебиенье
Подправит шёпот роковой.
И кто-то сразу соглашался,
Кто гнулся от житейских бурь,

Кто предавал, но возвращался,
Чтобы отмыть земную дурь.
Кто становился князем мира
И осквернял свободный дух,
Его отравленная лира
Лишь озлобляла нежный слух.
Он восхвалял разврат — и только,
Уничтожая ясный ум,
И поднимался он настолько,
Насколько слава, деньги, шум
Его поднять были способны.
Нет в нём ни грамма чистоты,
И творчества его плоды,
Как нечистоты, несъедобны.
Не лучше ли прожить без вести,
Чем перешагивать себя?
Не знать ни зависти, ни лести,
Не лгать, тем душу не губя.
И если искренность от сердца,
То ощущается во всём,
Пред ней падёт любая дверца,
В ней ключ, что отворяет дом.
Какая разница, что гений
Ушёл, забыт, его здесь нет?
Спадёт туман слепых столетий —
Хоть век, хоть два, хоть триста лет!
— И он вернётся, будет снова
Нам повторять свои слова.
Пока мы без его покрова,
Как без царя и голова…

Под этим творческим потоком
Был Пушкин некогда рождён,
Он был вершиной мысли, богом[1]
И восседал, заняв свой трон,
На пире, в роскоши богатой,
В порфире, золоте, вине,
И славой вечности объятый,
Как в неземном, волшебном сне.
Он кубок брал, и звучно пели
Ему небесные свирели,
И содрогался Геликон,
Когда ему со всех сторон
Несли кувшины Иппокрены,
Сладкоголосые сирены
С колчаном острых метких стрел,
И, озарённый ярким светом,
Он ослепительно при этом,
Как серафим, огнём горел
В сверкающих перстнях сапфира,
Поэт души, покоя, мира,
Поэт любви, любви, любви…
Но он испачкался в крови,
Дерзнул марать святую лиру,
Зачем-то стал беситься с жиру
И дрянь предпочитать Аи.
Зачем прибег ты к сквернословью?
Какому низшему сословью

[1] *Пушкин А.* С. Батюшкову. «В пещерах Геликона / Я некогда рожден; / Во имя Аполлона / Трибуллом окрещен…»

Ты устремился подражать,
Что стал и пищу их жевать?
Ведь ты низверг свои уста,
Разрушил нравственную плеву
И запустил совсем не деву
На простынь белого листа.
И, показав собой пример,
Тем ободрил всю падаль мира —
Теперь зловонная их «лира»
Сливает грязь без всяких мер.
И кто ответит на вопрос:
Зачем топтал ты поле роз
Своей поэзии великой?
Зачем марал свою тетрадь
И почему решил писать
В той форме откровенно дикой?..
Что ж, вряд ли я найду ответ,
Да и не нужно, впрочем, это,
Подумаешь, беда для света,
Что изменил себе поэт…
— Постой, постой, всё это снова
Пустопорожние слова,
В них сгнившая лежит основа,
Что прошлогодняя трава.
И не трава, здесь по-другому:
Скорей, завистливый сорняк.
Или ответить по-простому:
Всё это чушь… Совсем никак.
Опять же слабые нападки,
Беззубая хромая вязь,

И нет здесь никакой загадки:
Свинья везде находит грязь.
Напрасно на поэта лаешь,
Свои проблемы теребя,
Взгляни-ка лучше на себя:
Ты — то, мой друг, что ты читаешь![1]
Хватаешь павшие крупицы,
Исправно находя своё,
Но переходишь все границы.
Какое дело здесь твоё?
Какая разница, что гений
Себе позволил этот тон?
Кому-то, может, моветон,
Пусть будет так — нет возражений.
Подумаешь, был автор резок.
На это был свой ряд причин,
А ты, как глупый Арлекин,
Покров срываешь занавесок
И всё кричишь: «Смотри сюда, —
Он так же низок, как и я!»,
Но врёшь, приятель, ты тем паче:
Он не такой, как ты! Иначе![2]
И что за дело в том копаться,

[1] *Фейербах Л. А.* «Человек есть то, что он ест».

[2] «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врёте, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы, — иначе». А. С. Пушкин из письма П. А. Вяземскому.

Наружу вынося бельё?
Когда всё это не твоё,
С привычкой трудно ли расстаться?
Открой иные сочиненья,
Где величайшие стихи,
Уйми избыток самомненья,
Свои разглядывай грехи.
Есть лирика, есть мир созвучий
Его блистательных стихов,
Язык красивый и певучий,
Как аромат живых цветов.
Великолепные поэмы
Непревзойдённой высоты,
И с детства наслаждались всé мы
Тем миром вечной красоты.
Читая строчки с умиленьем,
Мы очищались в их строфах,
Во всепростительных слезах,
Объяты были восхищеньем.
Тебе ль доступно пониманье
Его божественных стихов?
А может, тайный смысл слов —
Его пророчеств скрытых знанье?
Но нет! Всё пусто. Пошлый тон,
Который нам совсем не близок,
Ты, как трактирный пустозвон,
И омерзителен, и низок.
А Пушкин — солнце, без сомненья,
Превечный и бесценный клад,
А всяк глупец до одуренья

Его испачкать был бы рад.
Опошлить, оплевать, измазать,
Но с головы его не слазать
И, свесясь, руки греть потом
Над его жертвенным костром;
Или в лучах его же славы,
Высоких чувств и теплоты
Брюзжать до сиплой хрипоты
Слюною бешеной отравы.
Но с Солнцем смысла нет тягаться —
Бессмысленно к нему лететь,
Или вдали его держаться,
Или бесследно в нём сгореть.
А эти выходки, поверьте,
Никто не сможет вам простить,
И будем биться хоть до смерти,
Чтоб этой лжи не пропустить…
А что Онегин, что Евгений?
Вот где божественный ларец!
Ответь, наглец, без промедлений
Или замолкни, наконец!
Ведь там сюжет, там сила звука,
Там дивно музыка текла…
— Да бросьте вы, всё та же скука:
Всё *карты, девки, два ствола*…[1]
Но не сердитесь, право, сильно,
Оставьте нервы для себя,

[1] «Евгений Онегин» — «карты, девки, два ствола» (интернет-шутка).

Не возмущайтесь так обильно:
Я это в шутку, я любя!
Конечно, мастер он признаний
И чувственных переживаний —
Всё это так, всё это он,
Наш африканский Аполлон.
Его подмеченных деталей
Во многих сферах бытия
Лишали чувств одних созданий
И не давали жития
Иным завистливым кокеткам —
Блондинкам, рыженьким, брюнеткам,
Но он не только воспевал,
А яростно уничтожал —
Не в бровь, а в глаз, как бык упрямый,
Невыносимой эпиграммой…
И образы его любви,
Мой неуёмный визави,
Конечно, сильно впечатляют,
Об этом, думаю, все знают:
Я часто это говорил,
Везде без повода твердил.
И всё же он не уникален,
Хоть, безусловно, гениален,
Сладкоголосый наш певец
И бакенбардный молодец.
Ведь Байрон был… И на французском
Он очень тщательно читал,
И выразить сумел на русском
Любви божественный фиал.

Касаясь лёгким дуновеньем
Души тончайших нежных струн,
Каким-то тайным провиденьем
Он изменял сердечный шум;
Шептал, и голос был столь нежен,
Как чистый воздух, безмятежен,
Точь-в-точь небесная лазурь,
Без туч, без серости, без бурь…
И с поля нежного соцветья,
Благоухая сквозь столетья,
Принёс бутон его стихов
Душистый аромат духов,
Живительный святой нектар,
Великий и бесценный дар…
Но это только часть таланта,
Пусть и большого бриллианта,
За что его благодарю,
Но о другом я говорю:
Вдохните все его цветы
И, оценив их запах редкий,
Скажите, друг иль критик едкий,
Он гений чистой ль красоты?
И не закрался ль там изъян?
Нет средь людей вдруг обезьян?
Как в той пословице из рода:
В большой семье не без урода…
Он, строчками касаясь уха,
Ласкал воображенье слуха
И бурю мыслей развивал,
И слезы смехом разбивал.

Но вдруг менялось настроенье —
Схватив перо, как остриё,
Он демонстрировал уменье,
Как превратить его в копьё.
Как поразить врага отменно,
Как умертвить его мгновенно
Без шанса выжить! Ничего…
И растоптать в крови его…
И уж потом, достигнув цели,
Идти стреляться на дуэли,
Но не пойму, признаюсь вам,
Зачем терзал он нежных дам?
Пускай он слов изобретатель,
Пускай родитель языка,
Пусть виртуозный рифмователь,
Чья поступь строк весьма легка.
Но есть другой же род движений
В строках его произведений,
Где поступь злая, как медведь,
Идет, ревёт, звенит, как медь;
Где речь уже не столь опрятна,
Не столь изящна и нежна,
Где красота уж не видна,
Где Солнце покрывают пятна…
И вместе с тем он всюду в белом
И с правотою мудреца.
Но раз уж взялся быть примером,
Так будь примером до конца.
Не завышай свои оценки,
Не разглашай, что ты пророк.

Какой от этого здесь прок?
Скромнее подбирай оттенки.
А то и «Памятник» при жизни,
И парадоксов лучший друг,
И оказался гений вдруг
Униженным в своей отчизне.
Неужто от нехватки лести
Ты разжигал себя огнём?
Ведь понимал же, что без чести
Пророк в отечестве своём.
Но, показав всем превосходство
Над злой бессмысленной толпой,
Над низшими людьми господство,
Ты с непокорной головой
Взметнул ветрами буйной страсти
Превыше ненавистной власти,
Александрийского столпа,
Но, к сожаленью, с высоты
Не разглядел, пророк, и ты,
Что ждут нас кровь и черепа.
Скажи, за что ты умирал
В зените творческого лета?
И почему Дантес стрелял
Не в сердце гордого поэта,
Не в шею, руку или грудь?..
И не в живот совсем — отнюдь.
Из-за какой же это мести
Спустил соперник свой курок,
Что оказался вновь без чести
В своём отечестве пророк?

Вы возразите: «Это сплетни!
Туман спекулятивных лет,
Из пальца всосанные бредни!»
— Я был бы рад, — скажу в ответ. —
И нужно было, в самом деле,
Решать проблемы на дуэли?
Когда во цвете славных лет
Сложился доблестный поэт…

Примечание

Вы правы, «Памятник» — игра,
Пародия[1] и смех поэта,
За пафосом его пера
Посыл Державину привета:
Тот раньше памятник[2] издал,
Горация[3] взяв за основу,
И так себя там восхвалял,
Что неприлично было, к слову.
И Пушкин, подгадав момент,
Решил поддеть сей монумент.
Спасая мир от грубой лести,
Он предъявил такие вести:
Что выжил из последних сил
Певец державный Гавриил,

[1] *Казиник М. С.* Просто открыть ларчик. В стихах и музыке зашифрованы открытия // URL http://www.kazinik.ru/documents/p2.html, 25.11.2022 г.
[2] *Державин Г. Р.* Памятник.
[3] *Гораций*. «Exegi monumentum…» с лат. «Я воздвиг памятник».

И обозвал его глупцом[1],
И в гроб сходящим стариком.
Он, мол, забыв писать о Боге[2],
Дерзнул в «забавном русском слоге
Красы Фелиции[3] воспеть»,
А Пушкин, ясно же, стерпеть
Такую низость не способен,
Ведь замысел его идей —
Поэт превыше всех царей[4],
Его лишь дар благоутробен,
А петь властям — сверхчепуха,
Страшнее смертного греха…
И отвратительней всего
Ласкать державца своего.
Что ж, с этой мыслью не поспоришь,
Она приятна, спору нет,
К тому ж, такой авторитет
Её привел — ты не позволишь.
Ну ладно б он смирял царей
До уровня простых людей,
Но и себя возвысил он
— Со всею скромностью поэта —
Превыше солнечного света,
Под ним лёг нравственный закон.
И вместе с юмором и шуткой

[1] *Пушкин А. С.* Памятник. «И не оспаривай глупца».
[2] *Державин Г. Р.* Ода «Бог».
[3] *Державин Г. Р.* Ода «Фелица».
[4] *Пушкин А. С.* «Вознёсся выше он главою непокорной / Александрийского столпа» (символа царской власти).

Свои он чувства обнажал,
И без смущенья заявлял
Про незаросшую тропу
И бесконечную толпу.
Безудержное самомненье,
О, как же я тебя люблю,
Люблю всем сердцем, но терплю,
Краснея чувственно в смущенье.
Но всё же скромность не мешает
И, верно, даже украшает,
Как золото — любой порой,
Когда и славы грохот бури
Или покой святой лазури,
Где льётся творчество рекой.
А там, где гром похвал беспечных,
Аплодисментов бесконечных,
Где крики: «браво!», «супер!», «бис!» —
Такого счастья ты держись,
Мой друг, как следует, подальше,
И хода сердцу не давай,
Гони всё это в дальний край
И будь собой, каким и раньше.
Но если на тебя взвалили
Почёт, богатство, славу, власть,
Добейся, чтобы эту страсть
Твои друзья тебе простили.
Зачем весь этот маскарад?
Не помнишь ли, как и Пилат
В порыве всенародной страсти
Был не свободен в своей власти?

Он — прокуратор для царей,
Повёл себя как лицедей:
Вначале руки он умыл,
Потом вердикт свой объявил,
Сказав, что совесть в нём чиста,
Но в тот же миг распял Христа
И отпустил толпе Варавву
Под страхом потерять их славу.
Так мы, распяв в себе святое,
На волю выпускаем злое,
Оправдываясь наперёд,
Что ничего и так сойдёт…
Слуга блуждающей судьбы
На поводке людских суждений —
Лишь проводник чужих решений
В руках безжалостной толпы.
Другая крайность — самомненье,
Когда я — в белом, все — в гнилье,
Я — как наместник на земле,
А люди — недоразуменье.
Властитель мира, ты смешон:
Такой же, как Наполеон;
Велик твой план, изящен, прост,
Велик твой план — да низок рост…
Тут вспомнилось стихотворенье,
Где есть живое подтвержденье,
Как «поэтический фиал»

Библейский текст переписал[1]:
«Я сеятель свобод пустынный,
Влагавший в рабские бразды
Рукою чистой и безвинной
Вольнолюбивые труды».
И утверждал, бросая семя,
Что потерял лишь только время,
Благие мысли и труды,
Хоть «рано вышел, до звезды».
Но средь пленительных мечтаний
И воздыхательных речей,
Глубокомысленных статей
И философских причитаний
Хоть кто-нибудь вопрос задал,
Какие семена бросал
Солнцевеликий наше всё?
Что там: ячмень, овёс, просо?
А может быть, чего похуже,
Быть может, с ядом семена?
И вот явились времена,
Когда мы оказались в луже?
Он, видно, сам не разобрал,
Что в почву добрую влагал,
И вот сейчас открыло время,
Что породило его семя.
Ему хотелось всем свободы,
Чтобы она, как рожь, росла,
А угнетённые народы

[1] Переписал на себя, стал главным героем притчи Лк. 8:5—15.

Ушли от бремени осла,
Плетьми ведомого по кругу
Сквозь жернова, и боль, и кровь,
Где плата им за всю обслугу —
Верёвка, палка да морковь.
Чтоб зрело равенство и братство…
Вот Франция — живой пример,
Где пало злое государство
Под натиском кровавых мер.
И чтоб царей закостенелых
Скатилась с плахи голова
К ногам решительных и смелых —
Вот будет счастье! вот права…[1]
И, рассыпая семена
На поле завтрашнего счастья,
Он зрел обломки самовластья,
На них рисуя имена[2].
Но ошибался: вместо ржи
Произрастало царство лжи,
А у подножия их трона
Цвела плодами белладонна[3].
В пылу отважных рассуждений
Кому ж ты посылал мольбы:
«В сгущённой мгле предрассуждений

[1] *Пушкин А. С.* Из Пиндемонти.

[2] *Пушкин А. С.* К Чаадаеву. «И на обломках самовластья / Напишут наши имена!»

[3] Белладонна (лат. Atrópa belladónna) — ядовитое растение, у человека может вызвать сильное возбуждение, доходящее до бешенства.

Восстаньте, падшие рабы»[1]?
Кого, мой друг, ты звал так громко?
Кто принуждал, что б ты так пел?
Так исступительно, так звонко, —
Ты этих перемен хотел?
Сто лет, год в год, до страшной даты
Ты призывал в страну беду,
Чтобы царей ждал час расплаты,
Ты пел в семнадцатом году[2]…
К чему взывала твоя ода?
Ты жаждал видеть смерть царя,
Детей его от рук урода[3],
И в этом, пламенно горя,
Ты воспевал иную долю —
«Свободу, равенство и волю»,
Но получилось, как всегда…
Беда, мой друг, одна беда
От этих перемен насильных,
И жизни нет под властью сильных,
И слабые нам не нужны,
И не бежать нам из страны[4],
И всё не то, и всё не так,
И здесь и там — везде бардак.

[1] *Пушкин А. С.* Ода «Вольность».

[2] Ода «Вольность» написана в 1817 г.

[3] «Самовластительный Злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / твою погибель, смерть детей / с жестокой радостию вижу…»

[4] Пушкин — наш первый политический «невыездной» литератор. Возможности пересечь границу он окончательно лишился после написания оды «Вольность».

Как мудро Тютчев написал
В ответ на твою злую оду:
Ты сердце не тревожь народу
И в ножны убери кинжал —
«Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!»[1]
И не гневи уже Творца…
Под звуки сладкозвучных лир
Храни в себе сердечный мир.
Но ты не внял и был упёрт —
Явилось зло, покой был стёрт,
Всё содрогнулось от последствий.
И кто предвестник этих бедствий?
Зри в корень, добрый человек,
Не ты ль виной кровавых рек?
Где вся страна, твой личный дом —
Всё заходило ходуном,
Война, и дым, и треск, и гром,
И сын, воюющий с отцом…
Не дай нам Бог прожить на свете
В эпоху бурных перемен!
Пускай они потонут в Лете,
Пусть отомрут, как вредный член,
То время ярых трепанаций,
Кроваво-красных операций,
Что революция несёт.
Дай Бог, мой век убережёт

[1] *Тютчев Ф. И.* К оде Пушкина на Вольность.

От этих давящих фрустраций,
Непредсказуемых мутаций.
Я проклинал твои мечты
С тем царством зла и нищеты.
В своём эпическом экстазе
Ты приучал людей к заразе,
К братоубийственной войне,
За что вина твоя вдвойне,
Поэт мой дерзкий и лукавый,
Увенчанный кудрявой славой!
Ты всем при жизни угодил,
О всех сказать не позабыл:
Философический мыслитель,
Или бездушный развратитель,
И атеист, и монархист
Найдут в твоих изданьях лист
И, записав в свои ряды,
Начнут жевать твои плоды,
Великоумно смаковать,
Туман порою напускать,
Как делал, вызывая сон,
Знакомый мой один, масон…
И сын горнила революций,
И затворившийся монах
Находят на твоих листах
Примеры личных резолюций
И, изучая твой типаж,
Кричат, что Пушкин, дескать, наш.
Но ты не их, ты сам собой
С шальной кудрявой головой,

Гром прогремел — тебя уж нет,
А кто же даст за всё ответ?
Не рассчитал ты резкость слов,
Набат, энергию и силу[1]
И свёл несдержанных глупцов
В готовую для них могилу.
Теперь уж поздно… Цикл дан,
Грохочет шумный барабан,
И не задуть огонь печи,
И все вокруг куют мечи…
Для разъясненья этих слов
Напомню, что сказал Крылов
В строках едва ли знаменитых
И незаслуженно забытых.
Рассказ о том, как сочинитель
С разбойником попали в ад[2],
Костры там страшные горят,
Пылает душная обитель.
Огонь и лава, звон цепей,
В округе муки вековые,
И черти безнадежно злые,
И вопли страждущих людей.
Мрак, скрежет, хрипы, стоны, ропот,
Лязг металлический и топот,
Ужасный вой бессильных жертв,
И страх, и боль, и плотский червь,

[1] *Маяковский В. В.* Неоконченное. «Я знаю силу слов, я знаю слов набат. / Они не те, которым рукоплещут ложи».
[2] *Крылов И. А.* Сочинитель и разбойник.

Всепожирающий и мерзкий,
Палач-мучитель, крайне зверский,
И пьедестал большой змеи —
Всё в черепах и всё в крови…
В котлы бросают всех несчастных
И варят, но, в мольбах напрасных,
Никто не в силах им помочь,
Гони надежду всякий прочь,
Входящий в адскую обитель,
Здесь правит злобный повелитель,
Здесь смерть души и твой конец —
Увы, заслуженный венец.
Пронзая горем души павших,
В его капкан уже попавших,
Палач с козлиной головой
Весьма безумен был собой,
И в утвержденье своей власти
Он разрывал людей на части,
И всяк, кто был там в кандалах,
Испытывал сильнейший страх.
Древнейший ужас, боль, беда,
Недели, годы… навсегда…
Потухший обречённый взор
В глазах, познавших приговор.
И крик, и гул, и вой нещадный,
И едкий дым, и запах смрадный,
И жаром всё раскалено,
Безумно душно и темно.
Века, сменяясь чередою,
Не изменялись меж собою,

Неся пленённым наказанье,
И кровь, и боль, и истязанье
За совершённые дела,
Чем и жила обитель зла,
А время приносило ей
Всё новых умерших людей.
Герои басни, изнывая,
В ужасных муках пребывая,
Терпели участь своих дел —
Таков теперь их был удел.
Но вдруг, со временем, судьба
Измученного ей раба
Как будто начала жалеть,
Огонь слабее стал гореть
И постепенно уменьшался…
Но у другого — всё не впрок,
Как будто беспощадный рок
Над ним навис и умножался,
Костёр усердней разгорался,
И боль терпеть уже нет сил,
Несчастный с горя завопил:
«Доколе злое провиденье
Преумножает мне мученье?
Ведь я не крал, не убивал,
Я людям радость доставлял.
Я же известный просветитель,
Зачем мне адская обитель?
Вот же разбойник-душегуб,
Так и терзайте его труп!
Я мухи в жизни не обидел,

А Бог меня возненавидел…
Ошибка здесь, полнейший вздор,
Несправедливый приговор!
Я мудрость людям раскрывал,
Я их учил…» — «Нет, развращал!» —
Ему мегера отвечает
(И связку дров в костер бросает).
«Но источал прелестный яд.
Наш повелитель был так рад,
Что вместе с ним плясали черти.
Ну а разбойник всё же был
Полезен нам, покуда жил,
И бесполезен стал по смерти.
Но твой талант совсем другой —
Он души тащит за собой,
Удачно собранные в сети.
И даже нет тебя на свете —
Твой труд работает на нас,
И ты полезнее в сто раз,
Чем твой сосед, злодей-разбойник.
Ты, как настроенный приёмник,
Вещаешь нужное в эфир,
Маня людей на сладкий пир
Непреходящего мученья.
Твои прелестны сочиненья,
Они на много лет вперёд
Нам гарантируют доход…
И что отраднее признать,
Нельзя на это повлиять
И как-то изменить теченье:

Навек ты предан на сожженье,
И твой огонь горит сильней,
Чем больше к нам привёл людей.
Так что расслабься — ты у нас», —
Шепнула на ухо мегера,
Взбурлила пенистая сера,
И крышкой хлопнула тотчас.
Такой финал у этой басни,
И как бы ни были несчастны
В ней «добрый» или злой герой,
Один несчастней, чем другой.
И кто, казалось, был добрее,
Страдает не в пример сильнее.
Как сочинитель, например:
Он как тот волк — «не сед, а сер»[1],
Который влез по дуре в псарню,
Хотя планировал в овчарню;
И чтоб мораль здесь передать
Опять цитировать придётся:
«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовётся»[2],
И всякий, даже вздорный, бред
В свой час потребует ответ.
И очень жаль, когда творенья,
Которые успел явить,
Вдруг превратились в наважденья,
Что невозможно изменить,

[1] *Крылов И. А.* Волк на псарне.

[2] *Тютчев Ф. И.* «Нам не дано предугадать…»

Что ты при жизни ошибался,
Что в рассужденьях заблуждался,
Что соблазнял своим пером,
Что смешивал добро со злом…
И эту смесь дурной отравы
Ты принимал за чашу славы,
Которую испил до дна,
И в том была твоя вина;
И горе людям, чьи соблазны
Безмерной пошлости, стыда,
Как и дела их, безобразны,
Приходят в мир — тогда беда.
Слепцы, ведущие друг друга[1]
Внутри очерченного круга,
Весьма красноречиво лгут,
Но в яму вместе упадут
С охапкой пойманных людей,
Попавшихся на эти речи.
Но, между тем, в грядущей печи
Им будет в сто раз тяжелей.
А нам, так скоро может статься,
Что негде будет и спасаться
От всяких «творческих» идей
Полуживых учителей.
И Пушкин… (я ведь всё о нём)
Как будто здесь и ни при чём,
Но факты, сложенные в ряд,
Увы, иное говорят:

[1] Мф. 15:14.

Лихие буйные стихи
Из непечатной шелухи
Не прибавляют ему чести.
Стихам уже почти лет двести,
Что, в принципе, серьёзный срок,
И вряд ли в них поэту прок.
Не соотносится свобода
С воображением народа,
Где ругань, брань и резкость слова,
Свободы слова площадной,
Где всюду враг, где всюду бой…
Развязку видим у Крылова…
Ведь яд, разбавленный в воде,
Распространяется везде,
Отравливая весь источник,
Или, к примеру, позвоночник —
Сместив всего один лишь диск,
Мы разом повышаем риск
Навек остаться инвалидом;
И здесь не нужно с важным видом
Доказывать, как на суде,
О незначительном вреде,
Мол, диск смещён всего один…
Есть приговор — ты недвижим.
Вот я о чём и беспокоюсь,
Вот почему дотошно роюсь,
И цель не так уж и мелка:
Заслуги не сыграют роли,
Достаточно одной лишь моли,
Чтоб съесть и царские шелка.

И драгоценные творенья,
С которыми поэт блистал,
Спасут ли в час от осужденья?
Уверенно б болтать не стал…
Что с ним сейчас? Да кто же знает?
Живёт иль нет — в огне горит,
В темнице вечной обитает
Иль с ангелами говорит?
Дуэлями чертей гоняет,
В них эпиграммами стреляет;
Как прежде, вольности строчит?
А вдруг он больше не пиит?
В садах, быть может, рядом с Богом,
Или в пещере с антиподом
В холодном беспробудном зле,
Иль в кипятящемся котле?
Никто не ведает из нас,
Сокрыта жизнь от наших глаз.
Но сердце всё же неспокойно,
Неоднозначно, нелегко,
Переживанье глубоко,
Что всё не так благопристойно.
Но как помочь и чем спасти?
В поддержке лишнего не будет…
Вдруг сердце любящее будит
Молитвой: «Господи, прости!»

Молитва

Владыко, милостив мне буди,
Не помяни мои грехи,
Они безумны и лихи,
Но я молю Тебя о чуде.
Я не достоин добрых слов,
Лишён любви и сокрушенья,
Ни слёз, ни мира, ни прощенья,
Нет ничего, кроме грехов.
Пустая жизнь среди страстей,
Опустошённое сознанье,
Я недостойное созданье
Из недостойных сыновей.
И всякий час меня осудит
Ещё до Страшного Суда,
Но с детства верил я всегда,
Что Милосердие не губит…
Молю Тебя об исцеленье —
Так жить я больше не могу —
Прошу о мире, о прощенье,
Прости бездарного слугу.
И сердце преданно надежде,
Что обращусь, назло врагам,
И преклонюсь, как было прежде,
К Твоим отеческим ногам.
Прими меня в Свои селенья
И мою душу не отринь,
Подай ей красоту общенья
Превечной радости. Аминь.

VI. ДАВНИЕ

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль…
А. С. Пушкин

Знакомлю с творчеством вас давним,
С письмом весьма неидеальным,
Где с рифмой не всегда дружил,
Где глупости порой строчил.
Но время было золотое,
Прекрасное и молодое,
О нём люблю я вспоминать
И вновь в душе переживать.
Но не судите строчки строго,
Они мне дороги иным,
Не лоском глянцевого слова,
Не модным блеском золотым:
В небрежности неогранённой,
В шероховатости речей,
Открылся мир мне превосходный,
Превыше власти и царей…

И ностальгическое бремя
Тех славных, но ушедших дней,
Храню я в памяти всё время,
И мне от этого светлей.

Манящие берега Индии

Часть I

Брега, манящие сердца
Свободой, блеском, озареньем,
И мы с поспешным ослепленьем
Хотим поверить в чудеса.
Спешим проникнуться тем миром:
Закатом, сказочным заливом,
Природой, морем, красотой,
Но, оставляя за чертой
Благие, светлые стремленья,
Мы, окунаясь в наслажденья,
Живём ненужной суетой,
Теряя яркие мгновенья
И развлекая ум *травой*…
Нам безразличны волны, море,
Сиянье солнечных лучей,
Великолепие ночей
Уже не трогают нас боле,
Плеяды звёзд на небосклоне,
Мерцая в ярко-белом тоне,
Не вызывают светлых грёз,

Ни вдохновения, ни слёз.
В дурмане лёгкого теченья,
Весёлых шуток, опьяненья
Проводим наши вечера
И тоже с ночи до утра.
Неинтересной и фальшивой
Жизнь показалась, и унылой,
Без чётких целей и пути,
В бездушном мире пустоты.
Сей дух там действовал во власти
Пленительной коварной страсти,
Скрутив людей, как злой недуг,
В порочный безысходный круг.
В меланхолическом порыве
Иль в эйфорическом отрыве
Он обольщал приезжим слух
И, словно опытный пастух,
Сгонял к себе свои стада,
Не отпуская никуда.
Свобода — вот что их пленяло,
Забывшись берегом иным,
Их голову в тот миг срывало,
Рабами делая пред ним.
И эта рабская свобода
Нас привлекает год от года
В далёкий, жаркий, дикий край:
В Гоа, в Мандрем, в Сансетский «рай».
Не показались бы вам резки
Мои слова, но от поездки,
От путешествий вглубь страны

Я впечатлён на долги дни…
От муравейника людей,
Везде снующих: кто быстрей,
Дороже сбудет свой товар;
Турист любимый здесь навар —
С деньгами с головы до ног,
Как переполненный мешок,
Смотрящий страстно на наряды,
На индуистские обряды,
На кольца, бусы из камней,
И вот уж местный Бармалей
«Best price, my friend!»[1] — кричит на нас,
С ценой как минимум в семь раз
Завышенной от идеала.
Но ничего не выдавало
В торговце хитром наглеца:
Ни бровь, ни часть его лица
Не вздрогнула при этом слове.
Он, как рыбак на рыбном лове,
Тем будет выше оценен,
Чем больше в сеть наловит он.
Но были честные индусы,
Ребята младше моих лет,
Они лишь позитивный след
Оставили средь местной *тусы*.
Один из них меня всегда
Возил на новые места.
Я путешествовал немало,

[1] Англ. «Лучшая цена, мой друг!»

Объездил область впрямь и вдоль;
Панаджи, Мандрем, Арамболь
Мне надоели, и вдруг стало
Желанье взять маршрут другой.
Ни даль, ни многодневный зной
Не изменили наши взгляды,
И вот, спешим на водопады.
В другой штат держим мы свой путь,
Сто километров дальше вглубь
Автомобилем пробежали,
Потом на джипах, как в сафари,
Меж джунглей, обезьян и змей
И прочей фауны зверей
(Которых, впрочем, распугали).
Переплывая вброд ручей,
Мы только чудом не застряли
И, наконец, к скалистой дали
Пешком по камням добежали.
Вот перед нами — водопад,
Во всей красе, как говорят,
Но я не то хотел увидеть
(Конечно, всё нельзя предвидеть),
Преувеличив во сто крат,
Я мог бы «так» его назвать,
Включив на миг воображенье…
Но яркость данного явленья
Вам постараюсь передать.
Представьте, перед нами холм,
Сто метров вверх уходит он,
И там, вверху, из трёх камней

Течёт вниз небольшой ручей…
Под ним купаются, — все рады,
Вода живительной прохлады
Полна и нас бодрит;
Так хорошо, что уходить
Не хочется мне никуда,
Тем более назад в Гоа.
Но время вышло, час истёк,
Собрали вещи, чрез тенёк
Неспешно стали уходить.
А дальше хочется открыть
Мне развлечения туристов.
Кормить они пришли артистов,
Смешных, живущих меж лиан…
О да! Кормёжка обезьян,
Признаюсь, сердце веселит,
Мартышку дразнят, та шипит,
Бананом манят, завлекают,
Фотографы вовсю снимают
То с ней пейзаж, то с ней портрет,
Воспоминанья многих лет…
Но нам пора: оставив парк,
Мы устремились в зоопарк,
А он закрыт — печально нам,
Что делать? Надо бы к слонам…
И их искать устали ноги,
Вдруг видим — прямо у дороги
Стоит в ковры укрытый слон,
Хозяевами окружён.
Не беспокоясь о цене,

Решил на найденном слоне
Почётный в поле сделать круг,
Помог с деньгами добрый друг,
Пять сотен рупий отыскав
И ко слону меня позвав…
Искал я новых ощущений,
Но жертвой этих развлечений
Я оказался в этот раз:
Во-первых, нереальный *прайс*,
И слон, поверьте мне, не *айс*,
А во-вторых, круг по траве
Дороже вышел сотни в две.
Да, обманули, так бывает,
Извозчик жалость вызывает,
Хотя, скорее, что не он,
А бедный работяга-слон.
И по душевной простоте
Помог я бедной сироте…
К торговцам, к рыночным рядам
Вдруг захотелось, — вот мы там,
Идём, вокруг нас представленье,
Зевак, торговцев оживленье,
Ножи, бинокли, старый кран,
Всем предлагают барабан,
«Купи слона!» — кричат по-русски,
«Смотри», — бормочут две индуски,
Тут тряпки, шляпки и платки,
Очки и пёстрые носки.
В рисунках яркие халаты,
В шелках, в пашмине две палаты,

Там камни, злато, серебро,
Масла и прочее добро.
Торговцы, словно тараканы,
К нам снова тянут барабаны,
На все размеры и лады,
С улыбкой детской простоты.
Жужжа подобно комарам,
Другие устремились к нам
С своим товаром в перевес,
И мы сквозь этот жуткий лес
Идём между рядов людей,
Стараясь выйти побыстрей…
И если будете вы там,
Один совет вам личный дам:
Там много блёсток и прикрас,
Но знайте, что цена для вас
В невероятно много раз
Завышена от номинала,
И практика нам доказала,
Что если смело торг вести,
То цену можно довести
Не вдвое-втрое, а, бывало,
Что в десять раз её сбивало.
Но всё окончено, отбой,
Купил я шляпу — и домой,
В Мандрем, в Сансетские края,
А завтра, завтра снова я,
Забывшись в детские мечты,
Паря над морем с высоты
Простого птичьего полёта,

Направлю взгляд вперёд туда,
Где нынче ходит Красота
И где душа не знает гнёта…

Часть II

Old Goa[1] — древний городок,
Сокровище его и злато —
Две церкви рядом и лужок,
В одной из них служил когда-то
Святой Франциск. Индусы здесь,
По большей части, христиане
И, восприняв Благую весть,
Ведут борьбу на поле брани.
Раз в десять лет, сказал мне друг,
Приоткрывают мощи в склепе,
Народ окрест, как травы в степи,
Заполоняет всё вокруг,
Идут пешком издалека,
На площадь в центр городка.
Кроме того, тот путь неблизкий
На службу в память о Франциске
Проходят люди каждый год,
Их движет вера, в них живёт
Ещё остаток благородства
И дух смиренный превосходства
Несёт благоприятный плод.
Всё осмотрел я, поснимал,

[1] Англ. «Старый Гоа».

В церквях двух также побывал,
Снаружи пальмы и кусты,
В садах прекрасные цветы,
Там вдоль дороги закоулки,
Что к романтической прогулке
Туристов манят за собой
Под звёздным небом и луной.
Но полдень нынче, к сожаленью:
Не дав минуты промедленью,
Я устремился в магазин.
Швейцар нас встретил, там за ним
Ковры, платки и украшенья,
Драгие кольца, ожерелья,
Все статуэтки — мрамор, кость,
А ты для них почтенный гость.
Тебя вниманьем опекают,
Присесть, чай, кофе предлагают,
Ведут приятный разговор,
Всё в комплиментах, но мой взор,
Сменив жар солнца на прохладу,
Воспринял мимо их тираду,
Которую они плели.
Их попросил, они внесли
Платки из шёлка и подушки,
Ещё продать пытались кружки,
Я возразил им — унесли,
Но мой итог, что *развели*…
Домой в Мандрем, набрав вещей,
Я уезжаю поскорей…
Так время шло, так отпуск таял,

В России новый лидер правил,
Среди моих спокойных дней
Всё, что узнал из новостей.
Прожив едва ли две недели,
Мой путь в Москву лежал чрез Дели,
И мне понравился тот град.
Вы знаете, я был бы рад
Сюда когда-нибудь вернуться
И снова в зелень окунуться
Его дорог и площадей,
Древних дворцов, монастырей…
Но я проездом — стороной,
Два дня — и мне лететь домой.
Отель, где я остановился,
Как будто с улочками слился,
Невидим был со стороны.
Вокруг толпа, звон, крик, шумы,
И так всё время продолжалось,
В таком районе мне не спалось,
И начал я писать отчёт,
Взял КПК[1] — и слог идёт,
И рифма есть, и вдохновенье,
Слова, и блеск, и озаренье…
Пойду поем куда-нибудь,
Потом закончу как-нибудь.
Провёл весь день в поездках праздных,
В монастырях, в музеях разных,

[1] Карманный персональный компьютер на заре андроидов и айфонов.

То в парк, то в сад меня несёт,
То ко дворцу меня везёт
Водитель, из отеля данный.
Вдруг магазин — швейцар парадный
С поклоном открывает дверь,
Вхожу я с мыслью: что ж теперь
Вы станете мне предлагать,
Каким товаром убеждать
Вы будете меня опять?
И, рассмотрев их красоту,
Вдруг Ахиллесову пяту
Увидел в их торговом деле,
Ведь правда же, на самом деле,
Ни раньше, в общем, ни сейчас
Никто не видел же из нас
У них окрашенного тигра.
А значит, есть у них прокол,
Раз так, то я за ним пришёл.
И начинались такие игры —
Они: «Слоны!», а я: «Где тигры?!
Из золота иль в серебре,
Моей московской конуре
Их не хватает — вот зачем
К вам прилетел — я бизнесмен.
Неважно: вес, цена и цвет,
Я их ищу уж сколько лет,
Ужель индийская страна
Не продаёт, кроме слона,
Нам ничего? — Какой позор!..»
Такой теперь мой разговор

Был с ними в каждом магазине,
Потом я шёл к любой витрине,
Старался к самой дорогой,
И приглашал идти за мной
Оцепенелого торговца,
Чтоб передать начистоту
Своих желаний череду.
Да чтобы не перебивал,
А по порядку объяснял.
Вы спросите меня, наверно:
«Что к ним тянуло в магазин?
Раз так тебе там было скверно,
Ты ж путешествовал один,
И сам был над собой властитель».
Всё так! Но мой в тот день водитель
Просил помочь ему в труде
И рассказал по простоте,
Что бизнес здесь у них один:
Когда турист с ним в магазин
Идёт, то им владелец платит,
Хоть даже если не оставит
Турист и жалкого гроша.
И чтоб спокойнее душа
Моя была, играл я в игры,
Пытаясь отыскать, где тигры —
Ведь невозможно ж всё скупать,
Торговцев нужно усмирять.
Потом отель, сон, ванна, отдых,
Чуть не забылся в тёплых водах,
И новый день вставать велит.

Проснулся, сердце так стучит,
Предчувствуя дорогу к дому,
И вот уже к аэродрому
Меня везут, душа парит,
Взлетаем… Самолёт летит,
Глаза сомкнулись, и я спал,
В Москву, домой, всё — я устал…
Устал от этих путешествий,
Дорог, машин, людей и шествий,
Ночных *тусовок*, дискотек;
Ни волны, ни песчаный брег
Не вдохновляют меня боле.
На этой безграничной воле,
В забвенье лучезарных нег
Милей мне всё же русский снег.
Не манит вновь меня тот край,
Мой дом не там и там не рай.
Назад домой, к тем детским снам
И к светлым радостным мечтам…

10.03.2008

О Победе

Посвящение Валентину Михайловичу и Марии Павловне, моим дорогим дедушке и бабушке[1]
(Память +30.06.2005 г. и +02.06.2011 г.)

Светло, и радостно, и больно,
И пусть в дали те дни войны,
Но в поколениях достойно
Хранить Победу мы должны;
Мы победили страшной кровью —
Никто не знал таких потерь,
Что дикий бесноватый зверь
Доставил нам огнём и болью.
Но он повержен — укрощён,
Испив стакан достойный яда,
Его всемирная бравада
Закончилась холодным сном;
А мы, друзья, как гости пира —
Как внуки, правнуки отцов,
Победоносных кузнецов
Спокойных лет для жизни мира;
И ярких вспышек мишура
Пускай украсит светлый праздник,
И пусть гремит её посланник —
С Победой вас, друзья! Ура!

[1] Посвящение нашим ветеранам — победителям и героям. // URL http://spasibodeduzapobedu.ru

К приятелю

Надеюсь, это будет комплимент,
Ты мне напомнил Лермонтова в этом:
Таким же грустным и холодным светом
Он озарял свой славный монумент.
Не удивительно, вы возрастом похожи,
Но верю я, когда бы не дуэль,
Уже бы через несколько недель
Он, несомненно, повзрослел бы тоже;
А ясность слов с мелодией стиха,
Тобою выбранного слога,
Мне очень нравятся, и в этом нет греха,
Лишь вдохновение всегда бери от Бога!

02.07.2015

Ко дню рождения

Полиночка, я рад тебе,
Я рад минутам быть с тобою,
Я сам завидую себе
И торжествую всей душою.
В твоих глазах прекрасный мир,
Твой голос — лёгкий шёпот волн,
И он нежнее звуков лир,
И теплоты душевной полн.
Ты так красива и мила,
Так исключительна, смиренна,
Добра, умна и весела,
И в этом всём великолепна.
Тебе хочу я пожелать
Такой же быть живой и ясной,
Свободной, светлой и прекрасной,
Способной сердце восхищать.

24.09.2009

Валаам

Причал молитв уединённых,
Всем сердцем к Богу обращённых,
Каких монахов ты явил!
Святых нам сколько подарил!
Своей природой восхищая,
Величие Творца являя,
Стал северный удел людей
Причалом райских кораблей.
Водою остров отделённый,
Христовой верой просвещённый,
Так дорог верующим сердцам —
Чудесный остров Валаам.
Вокруг стенами ограждённый,
«Великой Лаврой» наречённый,
Как «Северный Афон» суров —
Защита русским от врагов.
Прекрасный берег златоглавый,
Богатство веры православной,
Как много здесь чудес открыл,
Святую Русь обогатил.
Причал молитв уединённых,
В душе навек запечатлённых,
Столь сильных духом голосов,
И в сердце — звон колоколов…

О современном искусстве

Красота — есть истина, истина — красота.
Д. Китс

Признаюсь, что стихи приятно
Читать, уйдя от важных дел,
В которых автор рифмой славно,
Строфами тонких острых стрел
Смог описать своё творенье:
Души простое увлеченье
Иль недоступный идеал,
Мечты и сны воображенья,
Скользя пером по строчкам нежно,
Детально, ярко описал
И славу, в блеске озаренья,
Своим трудом завоевал.
Певцы прославленных творений,
Великолепных сочинений,
Чей глас, увы, почти утих,
Чья лира, чьё перо, чей стих
Строфами нежного блаженства
И рифм, цепочек совершенства,
Пленяли слух ушей моих,
Уж не осталось… Вместо них
Других поэтов поколенья,
Согретых музой вдохновенья,
Пытались хоть бы подражать…
Но где там, разве тех достать?
Живём мы в век трудов бесславных,

Где красоты пропал и след,
Герои взглядов ненормальных
Навязывают скучный бред.
Где рифмачи нехитрых строчек,
Являя грубый, пошлый почерк,
На протяженье многих лет
Приносят только один вред.
Художники абстрактных знаний,
Оплаченных рукоплесканий —
Ремесленники полотна.
Картины — пёстрые цвета,
Чьих резких линий пустота,
Не *вооружаяся*, видна,
Они являются примером
И правят современным миром,
Сознаньем множества умов
И блеском модных городов.
Носители развратных знаний
Достигли высших форм признаний
В идеях, сеющих плоды
Сознательной нечистоты:
Квадраты, линии, углы,
Фигур нелепые черты,
И искажённый мир сознаний,
Без контуров и очертаний,
Душевных травм и нищеты,
В плодах расстроенных мечтаний
Следы страстей больной души.
Не знаю, господа, как вы,
Причуды светской остроты

Меня пугают с каждым разом,
Всё больше, но одним рассказом
Я постараюсь вас отвлечь…
В период православных встреч,
Когда нас вместе собирал
Монах, чья образная речь,
Чей дух апостольский пленял,
В нём ощущенье красоты
Светилось чувством вдохновенья,
А непосильные труды
Служили людям для спасенья,
Я счастлив был, что сознавал
Всю важность ценного явленья,
Какие светлые стремленья
Так тонко он нам передал,
И многих, многих окрылял
Богатством собственной души…
Как будто свет во мрак глуши,
Стремясь лучами просвещенья,
Всё озаряет на пути,
Так он в словах благословенья
Уныние в нас прогонял,
В беседах ярко раскрывал
Апостольский пример служенья,
Теплом и верой вдохновлял
И мысли приводил в движенье…
Его рассказ тогда пленил
Моей души воображенье,
Он в притче образно явил
Великолепное мгновенье

В чертах доступной простоты,
Критерий вечной красоты…
И образам его внимая,
Ясней я стал определять,
Границей отделив два края,
Смог ложь с искусством различать.
И дней тех славных впечатленья
Сейчас в строфах стихотворенья
Вам постараюсь передать.
Хоть сложно прозу рифмовать
(И мне, поверьте, не с руки),
Но смысл образной строки
Всё ж постараюсь донести…

Притча о пчеле

На поле у большой горы,
Под куполом ночного свода,
Луч новорожденной зари
Вдруг заблистал, и вся природа
Преобразилась вмиг вокруг
И вместе с ней зелёный луг.
Прохладный воздух освежает,
Луч солнца нежно освещает
Травы таинственную сень,
И возрождающийся день
Великолепием блистает…
Всё дышит миром красоты,
Тропинки, кустики, цветы
Роса слезами покрывает,

Цветок степенно раскрывает
Сомкнутые сном лепестки,
Его склонённые листки
Прохладный ветер развевает.
Туман прозрачный обнажает
Вдали седые тополя,
И рой пчелиный на поля
Из шумных ульев вылетает.
Трудолюбивая пчела
В бутоны важно залетает,
Её вниманье привлекают
Растений яркие цвета,
В них сладостно благоухает
Душистая, как мёд, пыльца,
Она их нежно опыляет,
Нектар цветочный собирает,
Выходит, медленно взлетает
И к новому цветку летит.
Возможно, вас не впечатлит
Картина этого рассказа,
Читатель пусть меня простит
За слог и форму пересказа,
Но, возвращая дальше взор,
Я продолжаю… На простор,
Помимо пчёл, слетались мухи,
Их гнал туда во весь опор
Зловонный запах крупной кучи
И мошек наглый шумный ор.
Рядами стройными, как тучи,
Слетаясь, радостные звуки

Распространяли меж собой
При виде кучи удобренья,
В порыве бурного веселья
Над нею медленно кружа,
Садились, радостно жужжа,
С довольным видом упоенья.
Такие точно впечатленья
Во мне рождает и толпа,
Когда на суд свои творенья
Им выставляют «мастера» —
Ремесленники извращенья,
Безвкусной кисти и пера,
И чья кружится голова
Надменным блеском самомненья,
Их строчек пошлые слова
Предметом стали обсужденья,
Картины — темою сужденья,
В которых нужно разгадать
Судьбы таинственной печать.
Но вы, читатели родные,
С вершин душевной высоты
Что привлекало вас поныне,
Чьё ощущенье красоты
Вам ближе, совестью и чувством
Что называли вы искусством?
Абстракции топорной след,
Авангардизм? Надеюсь, нет.
Кто сердцем более мила
Вам: муха или же пчела?..
Любовь, природа, вдохновенье,

Стремленье к Истине святой,
Живая вера, жизнь, спасенье —
В душе, как будто звук пустой,
Её ничто уже не тронет,
Страстей водоворот уводит,
Их обольстительные сны
Нам так приятны и родны…
Бесчувственность в сердца приходит,
И мы становимся черствы,
От всякой злобы сердце ноет,
Страдает совесть, но увы…
Сказав себе, что это вздоры
Непросвещённой старины,
Слова, мольбы и уговоры
Отныне дики и странны.
Так чем же наше просвещенье
Тебя пленило, как недуг?
Лишь только гордое презренье
Среди людей родило вдруг,
Умножив ближних осужденье,
Поверхностное дав сужденье,
Что все соперники вокруг,
Где конкурентом стал твой друг
Иль стратегическим партнёром,
А может, даже сумасбродом,
Какая разница теперь?
Живём, как будто хищный зверь,
Скопив в себе от года к году
Всю злобу, вышел на свободу.
И вот, доныне еле слышный,

Глас потребителя капризный
Звучит всё громче и сильней:
«Довольно, хватит, поскорей»,
Перерастая после в визги…
И люди в этом смысл жизни
Нашли, таинственный сапфир,
А где же цель, где ориентир?
Куда идти, за что хвататься?
Чего мы будем добиваться?
Какой путь держит этот мир?
Зачем ты здесь? Что ты забыл?
Куда душа твоя стремится?
В чём смысл, что хотел добиться?
Что ты искал все эти дни?
Источник ль вечной красоты,
Или волнительной свободы,
Или пленительные всходы
Святой и искренней любви,
Дай Бог, чтоб были б мы честны.
И с чем нам дальше волочиться?
В чём прожигать мы будем дни?
А может, стоит изловчиться
И выпрыгнуть из западни?
Понять, что мы живём не телом,
В нас есть душа — родник живой,
Согретая небесным светом,
Гармонией и красотой.

Наш ориентир, наша свобода,
Часть Неба, что, на самом деле,
При нашем падшем, смертном теле
Ещё способна стать святой…

09.11.2007

Апостол

Жизнь многогранна и полна,
Полна прорыва и стремленья,
Любовью движет красота,
Душой черпая вдохновенье.
Во всём прекрасном — Лик Творца,
И в этом светлом проявленье
Парит бессмертная душа,
Надеясь робко на спасенье.
Когда-нибудь, забыв себя,
Уйдя от мира пресной скуки,
Направив взоры в небеса,
Пойдёшь на пытки и на муки.
И будет глас тогда с небес:
Вперёд иди, смотря на Бога,
И города, и тёмный лес
Предстанут, как одна дорога.
Ты сможешь души оживить,
Зажечь огнём искры свободу,
Сердца в округе возродить,
Открыв свой путь стремленья к Богу.

Живая вера у души,
Язык, как огненное пламя,
Взгляд проникающей иглы
И слово острое, как жало.
Апостол нынешних времён,
Пророк, творящий Божью волю,
Твой голос — колокольный звон,
Слились с молитвой неземною.
Вперёд иди и вдохновляй!
Своим служеньем будь примером,
Благовествуй и окрыляй,
Будь твёрдым монолитом веры!

2005

Любовь

Любовь есть преданность и верность,
Она есть свет в кромешной тьме,
Святое чувство, бесконечность,
Блаженство Рая на земле.
Любовь не терпит унижений,
Любовь — награда от Творца,
Она не ищет изменений
И постоянна на века.
Любовь не ждёт ограничений,
Любовь — свобода, красота,
Гармония, тепло на сердце,
Путь благородства, доброта.
Не лицемерие, не гордость,
Спокойствие и простота,
Смирение, святая мудрость,
Полёт души за облака.
Страдание святых и муки,
Содействие другим, забыв себя,
Она всегда была от Бога
И нам явилась от Христа.
Любовь — источник вдохновенья,
В ней виден смысл бытия:
Творить и действовать стремленье,
Вперёд идти, забыв себя,
Любовь не терпит лицедейства,
Любовь не ищет своего,
Не оскорбляет, не гордится
И не ревнует никого.

Она всё стерпит без сомнений,
Всем милосердствует и ждёт,
Всегда надеется и верит,
Для Бога лишь она живёт.
Любви лишь нужно проявленье
Через достойные дела,
Порыв души и вдохновенье,
Любовь как крест, ради Христа.

2005

VII. ПРАВОСЛАВНЫЕ

Воскресение Христово

Радость моя, Христос Воскресе!
Преп. Серафим Саровский

Пасхальный звон колоколов,
И сердце от любви ликует,
Здесь радость выше всяких слов:
— Христос Воскрес! Жизнь торжествует!
Молитвы царственных часов
Плывут в тиши предвосхищенья:
В них совершенные мгновенья
И свет восторженных хоров.
Великолепно и учтиво,
Благоговейно и красиво,
Победоносно, весело,
Торжественно и так светло
Проходит круг богослужений
Во звуках чудных песнопений,
Во гласах славных голосов
И изумительных басов.

Так Церковь празднует Спасенье
Всегда в Христово Воскресенье,
И всюду, словно гром с небес:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!»
Всё дышит радостью сердечной,
Соприкасаясь с жизнью вечной,
Здесь вдохновенно и легко,
Возвышенно и велико!
Во славе вечной красоты,
Во звуках нежных «Аллилуйя!»
— Какое счастье! — молвишь ты.
— Христос Воскрес! — скажу, целуя.

Гнев пророка

Посвящение отцу Игорю (Синицыну)[1]
(Память +29.10.2012 г.)

О мой народ! Ты погрузился
Во мрак безумия слепца
И всей душою поклонился
Златому образу тельца.
Ему теперь ты строишь храмы,
Ему ты куришь фимиамы,
Ему льёшь жертвенную кровь
С порывом жадным вновь и вновь.
Ты падальщик грехов содомских,
Палач нерожденных детей,
Дикарь с болот лесов чухонских,
Зажатый в колесе страстей.
Твой смрадный дым в душе столь студный,
Столь безразличный ко всему,
Доколе будешь ты, безумный,
Рыть яму праху своему?
Почём в час судный не внимаешь?
Не веришь молвленным словам
И всё упорней продолжаешь
Жить в поклонении гробам.
Бежишь от Бога ты всё дальше,
Пленённый в страхе суетой,

[1] Документальный фильм «Отец Игорь» // URL https://youtu.be/ylthWzhWxiw, 03.12.2022 г.

Каким же был святым ты раньше —
Какой же стал теперь чужой.
О Господи, прости мне дерзость!
Закрой им небо на года,
Пусть иссыхает эта местность
И не прольётся здесь вода.
Сотри пожаром их деревни,
Предай врагам на смертный бой,
Чтоб не осталось злобной черни,
В грехах живущей пред Тобой.

09.2010

Письмо духовному отцу

Ценю я, батюшка, ваш взгляд,
Свободный, искренний, смиренный,
Глубокий, боговдохновенный,
Смотрящий в сердце ваших чад.
Нет, я не буду возражать,
Оправдываться, утверждать,
Доказывая, ждать поддержки.
Я действовал, поддавшись спешке,
Но ясно дали вы понять,
Чего мне в жизни достигать.
Как будто камень благородный,
Ваш опыт жизненный, духовный
Притягивает, как магнит.
Ах! Если Бог благословит,
Мы сможем снова повидаться,
Как хочется скорей собраться,
Увидеть вас и посетить
Ваш тихий и спокойный скит.
Пишу, в душе сейчас волнуясь,
Тоске невольно повинуясь,
Мечтаю к вам перенестись,
По лесу тихому пройтись
И познакомиться с тем миром,
Где вместе с братом Серафимом
Вы свой духовный путь вели,
Где творчески вы расцвели,
Являя столько добрых дел.
Блажен, кто крепок был и смел,

И моде мира не поддался,
Душой своею оставался,
Нетронутый той суетой,
Куда всем миром с головой
Сейчас пытаемся прорваться.
Кто крест с достоинством носил,
Кого Господь благословил
Трудом во благо заниматься,
Кто сердцем красоту ценил
И людям радость приносил.
Кто, всей душой стремясь к вершине,
Прожил, трудясь в лесах, в пустыне,
Для Бога не жалея сил,
Вот чей пример и ориентир
На самом деле вдохновляет,
Ведь Сам Господь им раскрывает
Нам, грешным, недоступный мир.
Простите, батюшка, что был
Тогда настолько я поспешен
И в вихрях мыслей неутешен,
Внимал их беспокойный пыл.
Пройдёт волнений шумных время,
И с простотою лёгких снов
Отстанет тягостное бремя
Под впечатленьем ваших слов.

12.08.2008

Письмо духовному отцу из Себежа

Сбежав от городского дыма
В дубравы себежских лесов,
На берег озера Мидино́,
Я почиваю от трудов.
Сокрытый в зелени покоя
От пыли, засухи и зноя,
Равно далёко двух столиц,
В тени лесов и пенья птиц.
Послушно праздности внимая,
Ем, сплю весь день, не уставая,
В беспечной неге, без забот
Под сенью себежских красот.
Мой отпуск! Здесь я отдыхаю,
Но всё же часто вспоминаю
В отрывках пушкинский роман…
Вы помните, Онегин там
В деревню дядюшкину прибыл,
И первые два дня он видел
Красоты новые: поля,
Дубравы, пение ручья.
Но в *«третий роща, холм и поле*
Его не занимали боле:
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,

Ни карт, ни балов, ни стихов…»[1]
Похоже чувствую и я,
Что, правда, стыдно для меня,
Ведь я согласен часто с ним,
Когда безделием томим.
Поэтому — что долго думать —
Пора оставить мне места
И уже с чистого листа
О своём отпуске подумать.
Окрестности все повидать
И по порядку рассказать.
Пишу я, кстати, эти строчки
В давно знакомых вам местах,
В каких-то сорока верстах
Поодаль города Опочки
(Я знаю, папа ваш тут жил
И в школу в юности ходил).
Но ныне город обветшалый,
Как, впрочем, многое сейчас,
И в своём облике усталый
Ничем не привлекает глаз.
Быть может, в пушкинское время
Был чем-то славен этот град,
Раз обратил поэт свой взгляд
И поэтическое стремя?
Увы, понять мне не дано…
А впрочем, мне не всё ль равно,
Чем это место приглянулось?

[1] *Пушкин А. С.* Евгений Онегин.

Случайно ль к рифме подвернулось,
И долго ль он тогда гадал,
Иль, не заметив, написал?
Слова вы помните, конечно,
Своей небесной красотой
Они так трогают сердечно
И не дают унять покой.
Всё в этих строчках идеально,
Красиво, точно, гениально,
Воздушно, нежно и тепло,
Печально всё же, но светло:
«… И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоём,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! Сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!»[1]
Пора и мне окончить очерк
Беспечной жизни бытия,
Где нынче обитаю я,
Со вздохом этих нежных строчек.
Пришло мне время собираться,

[1] *Пушкин А. С.* Признание.

С местами надо бы прощаться,
Окрест прокладывая путь,
Успеть ещё куда-нибудь:
Увидеть Пушкинские горы,
Иль Псков, иль Изборск, иль Печоры…

10.07.2012

Рождественская ночь

Рождественская ночь неповторима:
Свята, спокойна и непостижима,
Тиха, смиренна, радостна, чиста
И так торжественна явлением Христа.
В её безмолвной и таинственной тиши
Надежда оживает для души,
И вся природа с умиленьем сердца
Хранит святой покой Богомладенца.

07.01.2012

Святая радостная ночь

Святая радостная ночь —
Ночь Рождества Младенца в хлеве!
Сбылись пророчества точь-в-точь:
Дарован был Пречистой Деве
Спаситель мира — Божий Сын,
Христос родился — славьте, люди! —
И чудный ангельский распев
Нам возвестил о Божьем Чуде.

2006

Рождественская песенка маленьких пастухов

Вступление:[1]

Божий архангел, святой Гавриил,
С радостной вестью к Марии подходит,
О том, что Господь Свою Волю открыл
И скоро Он в мир наш Младенцем приходит…

Пророчество сбы́лось — на сердце весна,
Ждёт Сына от Духа Святого она,
И нужно идти ранним утром затем,
Чтобы успеть в родной Вифлеем…

Хоть путь тот неблизкий, но всё же пора,
Идут по пустыне, где зной и жара,
Вот вечер настал, но приюта им нет…
Что делать?.. Смотрите, в хлеву горит свет…

[1] Исполнение песни. // URL http://polidomi.ru/song/christmas-song.mp3, 25.11.2022 г.
Домашний спектакль. // URL https://youtu.be/kbb-r6x88i8, 25.11.2022 г.

Песня:

На небе явилась большая звезда,
Так сильно, так ярко, так светло мерцала,
Такого не видели мы никогда —
О чём-то сказать в эту ночь нам желала…

Припев:

И пение ангелов вдруг раздалось,
Природа затихла, внимая послушно,
Смотрите, друзья, торжество началось!
Пойдёмте на праздник все вместе, все дружно!

Звезда показала нам место в хлеву,
Но что там случилось? Кто знает, ребята?
Сбылись все пророчества здесь наяву:
Волхвы преподносят и ладан, и злато…

Припев:

И пение ангелов вдруг раздалось,
Природа затихла, внимая послушно,
Смотрите, друзья, торжество началось!
Как радостно здесь, чудесно и дружно!

А что за младенец укутан в яслях?
Он спит очень сладко под тёплой одеждой,
И счастье, и радость у всех на глазах,
Все смотрят с улыбкой и доброй надеждой…

Припев:

И пение ангелов вдруг раздалось,
Природа затихла, внимая послушно,
Всех вас поздравляем! Ведь Чудо сбылось!
Пусть будет всем счастливо, светло и дружно!

Но что же случилось в наших краях?
О чём все в округе так радостно пели?
Одни говорят — наш Спаситель в яслях!
Другие — что Бог к нам пришёл в колыбели!

Припев x2:

И пение ангелов вдруг раздалось,
Природа затихла, внимая послушно,
Всех вас поздравляем! Ведь Чудо сбылось!
Пусть будет всем счастливо, светло и дружно!
Пусть будет всем счастливо, светло и дружно!

31.10.2015

Воспоминания о Платине

Друзья, оставим на мгновенье
Волну житейской суеты,
Печали грустное волненье,
Плоды сердечной пустоты.
Бежим их действий слишком шумных,
Столь бестолковых, столь безумных
В уединенье тишины.
В места, где творческие сны
Ещё способны нам являться,
Где хочется душой остаться
И радостным пылать огнём,
Туда, где сердцем мы живём…
Я торжествую! В восхищенье!
Душа летает и парит,
Нашёл себе уединенье,
Нашёл, что сердце веселит,
Чем умиляется, смиряясь,
Чем пламенеет, возгораясь,
Приоткрывая небеса…
В калифорнийские леса
Я вас зову, друзья, отныне,
В тот монастырь, что есть в Платине,
Он дорог сердцу моему —
Признаться, это потому,
Что жив здесь мой отец духовный,
Ведь здесь, в лесу, уединённый,
Он, не жалея своих сил,
Делами Господу служил,

Трудясь усердно и поныне.
Хотя, казалось бы, причине,
Которой можно уступить,
Уйти от дел, спокойно жить —
Был возраст и простая немощь.
Но батюшка мой эту мелочь
И близко не воспринимал,
Он так прекрасно вдохновлял
Своим талантом и трудом,
И ярким творческим умом.
Его издательство при деле
Живёт и здравствует доселе,
Неся миссионерский плод
В своих изданьях каждый год.
Дай Бог, чтоб дело продолжалось,
Чтоб Слово Божье разрасталось
В сердцах людей из рода в род.
И верю я, что наш народ
Проснётся после долгой спячки
И, как корабль после качки,
Пройдя сквозь ад морских штормов,
Достигнет тихих берегов.
Дай Бог, чтоб беды и волненья
Нам послужили для спасенья,
Нас научая сострадать,
Любить всем сердцем и являть
Суть христианского служенья,
И в то же время вдохновлять,
И души приводить в движенья…
На Пасху был я в тех краях,

В тех изумительных лесах,
Чей изумруд на склонах гор
Так сильно впечатлил мой взор.
Как часто в мыслях возвращаюсь
Туда, где я лесной тропой
Гуляю в тишине живой
И красотою наслаждаюсь.
Там золотистый свет лучей
Блестит сквозь сеть сухих ветвей,
Маня к себе и привлекая,
С собою точно приглашая
Взойти на каменистый холм.
Я поднимаюсь… Вижу дом.
То в нежной призме освещенья
Сияла батюшкина келья,
В которой много лет он жил,
В которой Бога он молил
Молитвой искренней монаха,
Чтобы восстала Русь из праха
И вновь раздался ей с небес
Победный глас — «Христос Воскрес!»
Чтоб разлетелся вмиг в селенья
Свет от Христова Воскресенья,
Рассеяв мрак безбожной тьмы,
Разрушив занавес тюрьмы…
Так я стоял — в глазах бежала
И в этом свете оживала
История минувших дней.
Всё начиналось с двух друзей:
Евгений, Глеб… их магазин,

Шкафы, ряд полок и витрин,
Своё издательство журнала,
Иконы, книги… Там звучала
Сюита классики живой,
Всё наполняя красотой.
Но неожиданно теперь
Входная отворилась дверь,
И внутрь к ним проходит сам
Архиепископ Иоанн…
Друзей сперва благословляет,
Но сразу как-то прерывает
Едва начатый разговор,
Загадки полон его взор.
Он сел, друзья присели рядом,
Он осмотрел их добрым взглядом:
«Что будет дальше? — молвил он. —
Останетесь ли здесь потом?»
И замолчал… Тогда Евгений
Сказал без лишних размышлений:
«Я верю, будет монастырь…»
Владыка встал, благословил
И, глядя, твёрдо повторил:
«Я верю, будет монастырь…»
И развернувшись, вышел прочь.
(Сбылись слова его точь-в-точь…)
Поздней мы проясним картину
И про друзей, и про Платину.
Теперь же расскажу я вам,
Кем был Владыка Иоанн,

Кто этот славный человек,
Что осветил наш с вами век…

Владыка Иоанн

Святая Русь! Что в слове этом
Явил ваш непредвзятый ум,
И было ли оно предметом
Уединённых ваших дум?
Рождало ль ваше представленье,
Несло ли вам воображенье
Богатства русского в святых,
Что мы наследники у них…
Вот кем мы истинно богаты,
Что ни дворцы и ни палаты
В убранстве комнат золотых
Ценою не заменят их…
Наш благоверный сонм царей,
Великих старцев и князей,
Блаженных духом, чудотворцев,
От мира скрытых богомольцев,
Великомучеников славных,
А сколько же святых неявных
Среди монахов и мирских,
Всегда у Господа живых…
Представьте, все они сейчас
Усердно молятся за нас…
И в их числе святитель Божий
Архиепископ Иоанн.
На модный век наш непохожий,

Он, как пророк, был Богом дан.
Подвижник, явный чудотворец,
Чужой и странный для одних,
Он был, как древний святогорец,
Примером в жизни для других.
Живой и яркий представитель
Руси распятой и Святой
И непрестанный вдохновитель
Древнецерковной стариной.
Молитвенник, сиропитатель,
Открывший в городе приют,
Утéшитель и воспитатель,
К которому всегда идут.
Он пастырь, властно говорящий,
Родной, живой и настоящий,
Умеющий людей ценить
И сострадательно любить.
Всегда без страха, полный сил —
Такой владыка с нами был.
Он, словно древле Моисей,
Из рабства вёл своих людей.
Открытый всем, он стал гонимый
Собратьями из тех людей —
Слепых зазнавшихся судей —
Святой, которым подсудимый.
Несправедливо обвинён,
Страдал, претерпевая, он.
От тяжбы низкой и злодейской,
Людьми, что властию судейской
Его пытались обвинить

И незаконно осудить,
Не стало у владыки сил.
И вскоре после он почил,
Оправданный по всем моментам.
Все понимали, что и центом
Казну не дал бы разорить,
Кому-то тем мешая жить…
Его всем градом хоронили.
Завистники в слезах просили
Простить их беспричинный гнев,
Всю святость пастыря узрев.
Молили, ползали, рыдали
И даже стоны издавали,
А к остальным шёл добрый врач —
Радостотворный светлый плач.
В соборе, в центре Сан-Франциско,
Собою освящая град,
Здесь мощи пастыря лежат,
Святитель в помощи так близко.
Вот вам портрет владыки краткий —
Не знаю, передал ли лик?
Хотя, что может стих сей жалкий?
Попробуйте прочесть из книг[1].
И всё же мы продолжим дале.
Надеюсь, вас не утомил,
И вы, уж из последних сил
Читая строчки, не зевали.

[1] *Игумен Герман (Подмошенский).* Цена святости. Воспоминания о святителе Иоанне Шанхайском.

Раз нет, вперёд идём сейчас
К друзьям, что ожидают нас.

Монахи

Вот предо мною та долина —
Калифорнийская Платина,
Глушь окружающих лесов
Вдали от мирных городов,
Где Глеб и друг его Евгений
Искали место поселений,
Свою пустыню в той дали
И, кажется, уже нашли
Они места своей отчизны,
Свой край духовной, строгой жизни,
Сбежав от шумной суеты
Под сень природной красоты.
Под тень лесов, в объятья гор,
Где дышит творчеством простор
И утончаются стремленья
Под ярким солнцем вдохновенья.
И вскоре этот уголок
Печатный оживил станок.
Отсюда стало Божье Слово
Распространяться дальше снова,
Знакомя с *жизнию* святых
Своих читателей родных.
Так издавались в этом месте
И книги, и журналы вместе,
А позже вырос монастырь,

Где был заброшенный пустырь.
Но забегаю я вперёд,
Всему быть должен свой черёд.
Вернёмся мы на склоны гор,
Чтобы послушать разговор.
«Цена такой земли большая», —
Им объявляет продавец.
Взмолился Глеб, душой желая,
Чтоб сделка вышла, наконец.
Он понимал, что здесь Евгений
Нашёл места упокоений.
И вот, по милости небес
Не обошлось там без чудес.
Друзья в молчании уходят
И через несколько минут
Свою машину в город гонят,
Стихиры радостно поют.
Жара стоит в заходе солнца,
А завтра к гробу чудотворца
Они с рассветом побегут,
Помолятся и обретут
Необходимую работу,
Их шестидневную заботу —
Читать в соборе том псалтырь,
Копить на ренту за пустырь.
И плата точно равна той,
Чтоб рассчитаться им с землёй.
Владыка был всегда при братьях
Так близко, слыша каждый звук,
Держа друзей в своих объятьях,

Как чад, не выпускал из рук.
Являл им важную поддержку,
Защиту, помощь — вперемешку,
Храня от бури их челнок,
К монашеству ведя их срок.
Так стали Глеб и брат Евгений
Монахами в лесной глуши,
И много разных поколений
Зажгли огнём живой души.
Стремились книгами, статьями,
Молитвой искренней, делами
Стоять защитною стеной,
Служить для Бога всей душой.
А имена монахам сим —
Брат Герман и брат Серафим.
Хранители Руси Святой,
Распятой, древней… Но живой!
Теперь о братьях много знаем,
В России книги их читаем,
А их духовный ценный клад
Привнёс миссионерский вклад.
Дела достойны восхищенья,
Их жизнь, как яркий светлый миг,
Живой источник вдохновенья,
История отдельных книг[1].

[1] *Иеромонах Дамаскин (Кристенсен)*. Не от мира сего. Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского.

Эпилог

Так те закончились мгновенья,
Стою я на холме один.
Вот снова батюшкина келья,
Виновница моих картин.
Вокруг меня леса густые,
Вверху я слышу пенье птиц
И голоса их золотые,
Пернатых радостных певиц.
Всё живо теплотой приятной,
Но блеска келии уж нет,
Исчез тот яркий, нежный свет,
Пропал, как дым в дали туманной.
Мелькнул картиной прошлых лет,
И в миг растаял ясный след.
Ужель все это разыгралось
В моей фантазии большой?
То, что при свете открывалось
Картиной яркой и живой,
Неся душе моей волненья.
Где же былые впечатленья,
Минуты ясности златой,
Воспоминаний бег лихой?
Они в моём остались сердце,
Как откровений череда,
Раскрыв души живые дверцы,
Там сохранятся навсегда.
Мир устремлённых верой в Бога
Монахов настоящих дней,

Хоть нелегка ваша дорога,
Но нет награды той ценней.
Стою я, в мыслях представляя,
Как осень ходит золотая,
Кружа восторженно листвой,
Деревья крася желтизной.
Вот где призвание поэта,
Здесь наслаждаюсь танцем света,
В сиянье покрасневших рощ
Иду под свод их стройных толщ…
И там, в безмолвии дубравы,
Под сенью листьев золотых
Вдыхаю воздух Божьей Славы,
Читая жития святых…

Вторым крылом

Посвящение отцу Герману (Подмошенскому)[1]
(Память +30.06.2014 г.)

Мы жить должны, чтобы уйти достойно,
Оставив на земле благоприятный плод,
На крест взойдя, не сходят самовольно
И не боятся бури и невзгод.
Какая разница, что говорят на свете?
Ведь ожидаемо, что отвечают злом,
Мы за себя останемся в ответе,
Враги нужны: чтоб быть вторым крылом…

30.12.2016

[1] «Миссионер милостью Божией» http://fatherherman.com/, 25.11.2022 г.

VIII. ЭПИЛОГ С ЭПИТАФИЕЙ

Эпилог

Как быстро время пролетело,
Вот день настал, и час пробил,
Когда я снова неумело
Листы в единый ряд сложил.
С тех пор, от первого изданья,
Прошло двенадцать с лишним лет,
Я полысел, ослаб, стал сед,
Но не унял в душе желанья
В один прекрасный зимний день
Связать свою *рифмоплетень*.
Я благодарен всем, кто рядом,
Кто добрым словом, нежным взглядом
Мне искренне помочь хотел,
Всем вам, кто труд сей одолел!
Теперь скажу вам: «До свиданья!»,
Хотя, наверное: «Прощай!»,
Ведь творчество — что истязанья:
Едва услышал — передай!
Неважно, днём то или ночью,
На улице ль в большой мороз,
Пиши чернилами, хоть кровью,
Терпи, скрывай потоки слёз.
Ты — передатчик, ты — невольник,
Внутри пусть ноет и болит,

А ты как скрученный приёмник[1],
С кем муза тихо говорит.
И её голос не уймётся,
Её так сложно отвязать…
Здесь процитировать придётся,
И, наконец, закрыть тетрадь.
Завет для творческой души
Толстой сумел нам передать,
И он сказал: «Тогда пиши,
Когда не можешь не писать»…
Ну всё! Расходимся. С поклоном.
Вставляю подпись, как засов.
Пока-пока! Всех благ! Ну, с Богом!
Спасибо всем! Ваш Р. Петров.

20.02.2022

Эпитафия

Друзья мои, настал покой,
Пора освободить дорогу
Для новой жизни, молодой —
Я вас люблю! Всё слава Богу!

[1] *Пикалова Ю.* Первая. «Поэт — приёмник, передатчик, / Распятый между двух миров».

Постскриптум

Всё, что хотел я рассказать,
Старался выразить в тетради,
О, если медленно читать,
То это будет очень кстати;
Стихи вкушают не для спринта,
Но с толком, медленно и вслух,
Чтобы раскрылся вкус и слух
Иль даже зазвучала квинта.
Что есть стихи? Головоломка?
Гармонии слепой кроссворд?
Души мучительная ломка?
Иль смысла неприступный форт?
Теряюсь… всё сюда подходит.
Но кто-то в них лишь сон находит,
Пустую трату важных дел;
Счастливые! Вот мой пробел!
Ах, если б мне так научиться…
По мне стихи, что динамит:
Шнур тлеет, тлеет, вдруг бомбит
Со всех сторон, нельзя и скрыться.
Простите, жалуюсь на то,
Хоть крест себе не выбираю,
Но знаете, есть плюс зато:
Внутри души я не скучаю,
Хоть на Луну, хоть вглубь пещер,
Хоть в тайный остров океана,
Поэт всё видит без экрана,
Поэт — всегда визионер.

«От знания — одни печали»[1],
Такой чудно́й круговорот,
Душой он постигал все дали,
А ближним был лишь — Дон Кихот…

27.12.2022

[1] Еккл. 1:18.

Записка

Отдай кровь и прими Дух.
Неизвестный автор

Я отдаю себе отчёт,
Что кто-то может *подгореть,*
Поэзия — как огнемёт,
Поэзия — она как плеть.
Своим палящим языком
И принуждением ко Свету,
Всей мощью данною поэту
Заставит зло *класть кирпичом*.
Но пишут ей не для того,
Чтобы разжечь конфликт до смерти,
Но чтоб боль сердца твоего
Вступила в бой в тылу, где черти,
И если воин — ты поймёшь,
Что сила в немощи вершится[1],
И Дух бессмертный к нам стремится,
Когда всё… помощи не ждёшь.
Какая жизнь — такие нравы…
Боюсь ли рано умереть?
Страшусь ли я угроз? Расправы?
Не знаю я… как посмотреть.
А есть за что? Тогда конечно!
Певец не должен вовсе петь,
Раз он боится бесконечно,

[1] 2Кор. 12:9

Он не кино пришёл смотреть.
И я когда-нибудь вернусь
Вновь в эпицентр круговерти,
И жизни нашей не держусь,
Как не ищу заветной смерти…

11.12.2022

Чистосердечное

Где творчество?! Здесь! На обзор
Я открываю свою душу,
Где обнажён мой стыд, позор,
Ну и пускай, ведь я не трушу!
Смотри и смейся, хочешь — плюнь,
Даст Бог, всё будет, как и прежде,
И сердца тонких хрупких струн
Не оборвать вовек невежде.
Я человек, я уязвим,
Я вывернул себя наружу,
Но дух внутри непобедим,
Он защитит больную душу!
Благослови! Я всё сказал,
Прими мой многолетний стон…
Раз нет! Ты прав… ведь я читал:
«Кому Афон… кому *айфон*».

10.12.2022

❁ ❁ ❁

За всё благодарю Творца,
Супругу, маму, близких, дальних,
Духовника, детей, отца,
Друзей моих сакраментальных,
Коллег… врагов — весь белый свет,
Без вас тетрадь — унылый бред.
И сообщение потомкам,
Что был в роду и вашем дед,
Пусть в творческом пути негромком,
Но всё ж оставил бледный след.
Вот, чем он жил и как он мыслил,
О чём, быть может, сожалел,
Чего в фантазиях домыслил,
А где остался не у дел….
Пусть эти мысли шумной сворой
Из глубины седых веков
Представятся живой опорой
Для связи родственных мостов.
Пусть будет так! И в заключенье
Я лучше и желать не мог,
Что б за меня вы по прочтенье
Замолвили: «Помилуй, Бог!»

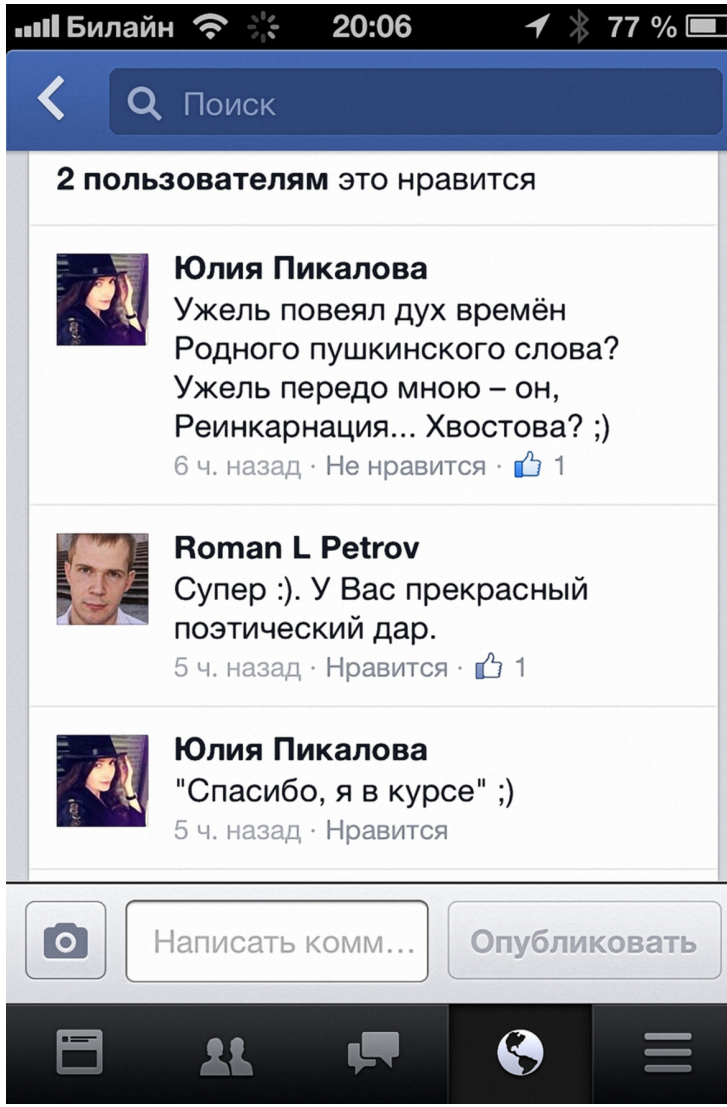
IX. ОТЗЫВЫ

Юлия Пикалова

Поэт, филолог, бизнесвумен,
Изящен, тонок, остроумен.

Источник: YouTube.

Эпиграмма от 25.03.2015:



Рогволд Васильевич Суховерко

(30.10.1941 — 09.04.2015)

— советский и российский актёр театра, кино и радио, мастер дубляжа и озвучивания кинофильмов. Заслуженный артист Российской Федерации.

Источник: Википедия.

Электронное письмо от 12.02.2013:

Здравствуйте, Роман!

Антон передал мне вашу тетрадочку как бы на рецензию. Но я не рецензент, хотя, конечно, мнение свое на этот предмет составил…

Не претендуя на безошибочность моей оценки, могу вот что сказать (Вы можете с абсолютно легким сердцем наплевать на это и тут же забыть, потому что я не критик, не литературовед, а просто — человек, очень много имевший «контактов» и с поэзией, и с поэтами).

Начал читать я с легким сердцем, потому что Вы владеете очень симпатичной легкостью пера и несколько раз даже порадовали остроумными и самостоятельными репликами. Однако…

Дело в том, что само «писание в столбик и в рифму» нынче не такой уж и творческий подвиг. Сплошь и рядом появляются стихотворные фельетоны, адре-

са для юбиляров и даже стихотворные сценарии для корпоративов.

Требуется тема. Требуется авторский взгляд, свой собственный, на вещи, ставшие привычными. Я не собираюсь затевать лекций на эту тему, да Вы их и не требуете, насколько я понял.

А потому — по Вашим стихам.

Повторю — первая часть меня завлекла, даже что-то обещала. Тем более, что Вы владеете (пусть и не в полной мере!) тем легким стихом, которым написаны многочисленные стихотворные легкомысленности в русской поэзии. Однако там это было продиктовано самой темой (я перечислять не буду всех этих Казначейш и дочерей царя Никиты). У вас же малоценное даже не приключение в Индии заняло чуть ли не пятьдесят страничек… Но само происшествие, согласитесь, заслуживает в лучшем случае не более десятка строк…

А дальше у Вас пошли уже духовные стихи…

Я — атеист, религиозные обряды и таинства для меня — всего лишь атрибуты национальных традиций, а потому я не буду даже оценивать глубину и истинность переживаний. Могу только сказать, что новелла об американском монастыре показалась мне довольно невнятно изложенной, а последующие стихи на эту тему — показались мне не развивающимися и «топчущимися» на одном месте…

Антон сказал мне, что у Вас есть мысль этот «черновик» переделать набело и сопроводить музыкой.

Вот тут я могу резюмировать все мною сумбурно высказанное.

Мне кажется, что, если у Вас есть такая возможность, не относитесь к своему «черновику» так критично, как я, а сделайте красивое издание, сопроводите его иллюстрациями (кстати, они и сейчас очень и очень симпатичны!), сопроводите это все музыкой (только не Моцартом — у Вас же православные сюжеты, а Моцарт, как ни крути, все ж таки — католик… Советую поискать материал в Интернете, если захотите — я могу Вам предложить кое-какой материал), переплетите красиво и — если будете продолжать, то через двадцать-тридцать лет будете с удовольствием листать и просматривать — «Вот мои первые опыты!», а если это будет Вашим единственным проявлением в поэзии, то тоже порадуетесь…

Продолжать или прекращать? Не знаю… И никто не знает… А вдруг прорвется что-то интересное! Но и насиловать себя не стоит, ждите — если возникнет мысль, чувство или просто желание, то — пишите!

Просто на бумаге все эти мои замечания могут выглядеть категорично, но я этого не хотел, просто так оно получилось на письме, а на самом деле Ваши попытки вызывают у меня если не восторг (конечно не восторг!), но уважение.

И верьте только самому себе. Я знаю нескольких человек, которым профессионалы советовали бросить одному рисование, другому актерство, третьему — музыку. Фамилии их я Вам называть не буду,

но один-то точно стал самым крупным кинорежиссером и очень интересным актером, а скульптуры и картины другого знают чуть ли не во всем мире… Конечно, это не значит, что не надо не верить никому. Это означает, что только сам человек знает, насколько его одолевает необходимость самовыражения и насколько у него для этого есть внутренних ресурсов…

Извините, получилось чересчур многословно, но — опасаюсь быть неверно понятым…

Да, и на обложке не пишите отчество автора — этого не делали ни Пушкин, ни Толстой…

С уважением,

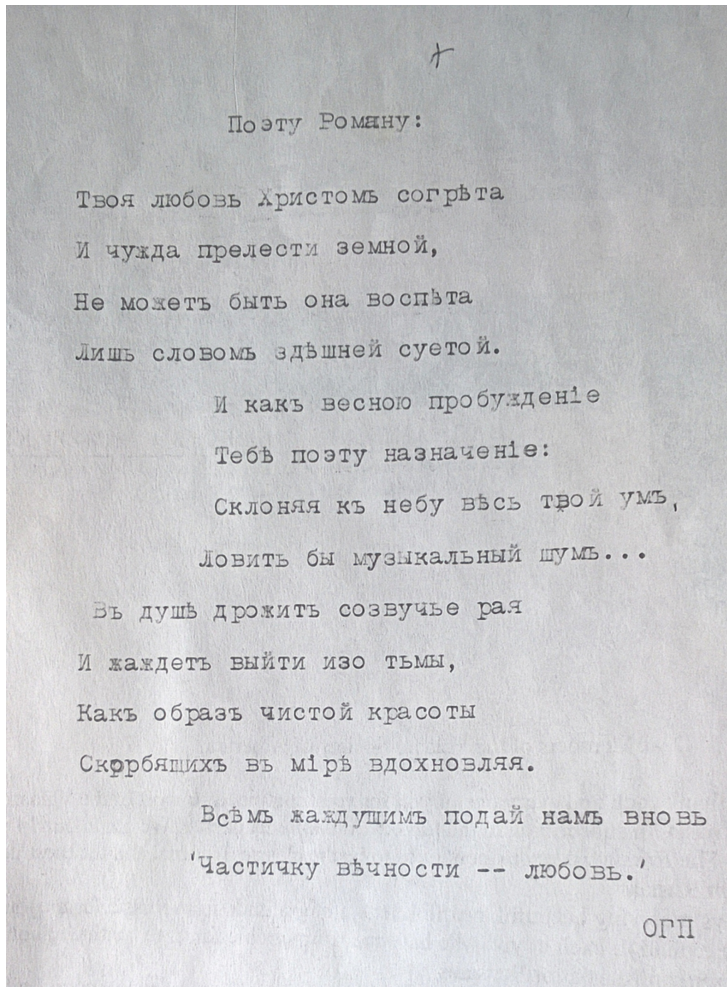
Рогволд

о. Герман (Подмошенский)

(27.03.1934 — 30.06.2014)
Русский духовный писатель,
издатель, миссионер.

Источник: Википедия.

Письмо от 11.03.2008:



Поэту Роману:

Твоя любовь Христомъ согрѣта
И чужда прелести земной,
Не можетъ быть она воспѣта
Лишь словомъ здѣшней суетой.

И какъ весною пробужденіе
Тебѣ поэту назначеніе:
Склоняя къ небу вѣсь твой умъ,
Ловить бы музыкальный шумъ...

Въ душѣ дрожитъ созвучье рая
И жаждетъ выйти изо тьмы,
Какъ образъ чистой красоты
Скорбящихъ въ мірѣ вдохновляя.

Всѣмъ жаждущимъ подай намъ вновь
'Частичку вѣчности -- любовь.'

ОГП

X. ФОТОЦИТАТЫ

Стр. 10

…и под словесный винегрет
представлю собственный портрет.

Стр. 28

…тропинка к озеру в лесу,
с которой в сердце я несу
воспоминания и радость…

Стр. 29

…я в счастье раскрываю руки,
в слезах сжимая град Петров…

Стр. 35

Зима. Мороз. Промозглый Питер,
и теплой сказкой в нём — «Гарсон»…

Стр. 31

…и горы, и снег, и камни на пляже
дарили тепло, — всё казалось родным…

Стр. 33

…и как смеётся детвора,
её нарядами играя…

Стр. 54

…пять лет назад мы обвенчались…

Стр. 33

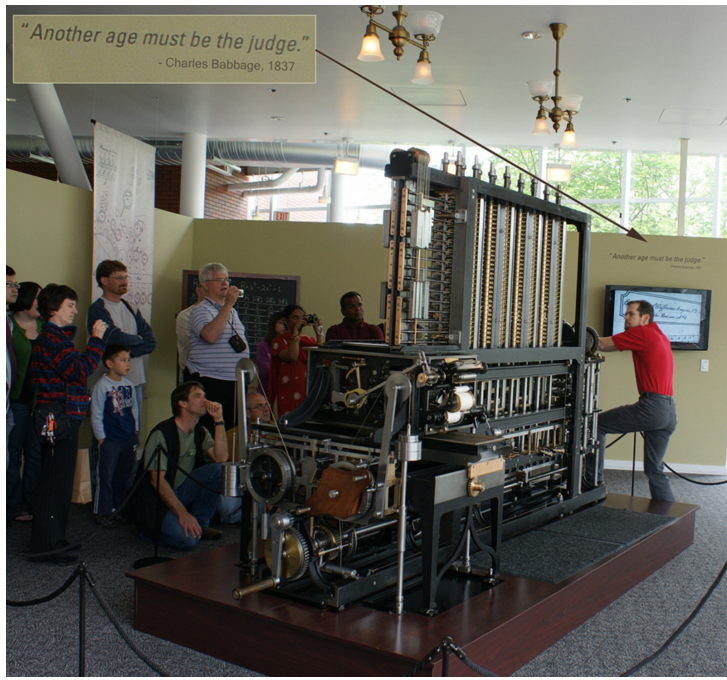
…я счастлив слышать смех детей
И видеть блеск в глазах…

Стр. 54

…как память растворяющихся лет,
мы заказали дружеский портрет.

Стр. 102

...кто идиот, кто чистый гений —
судить не этим временам!



Стр. 151

…спешим проникнуться тем миром:
закатом, сказочным заливом…

Стр. 154

…потом на джипах, как в сафари,
меж джунглей, обезьян и змей…

Стр. 154

…и там, вверху, из трёх камней
течёт вниз небольшой ручей…

Стр. 155

…о да! кормёжка обезьян,
признаюсь, сердце веселит…

Стр. 155

…не беспокоясь о цене,
решил на найденном слоне
почётный в поле сделать круг…

Стр. 156

…к торговцам, к рыночным рядам
вдруг захотелось, — вот мы там,
идём, вокруг нас представленье…

Стр. 158

Old Goa — древний городок,
сокровище его и злато —
две церкви рядом и лужок…

Стр. 158

…в одной из них служил когда-то святой Франциск. Индусы здесь, по большей части, христиане…

Стр. 159

…все статуэтки — мрамор, кость,
а ты для них почтенный гость…

Стр. 160

…прожив едва ли две недели,
мой путь в Москву лежал чрез Дели…

Стр. 160

…и снова в зелень окунуться
его дорог и площадей…

Стр. 160

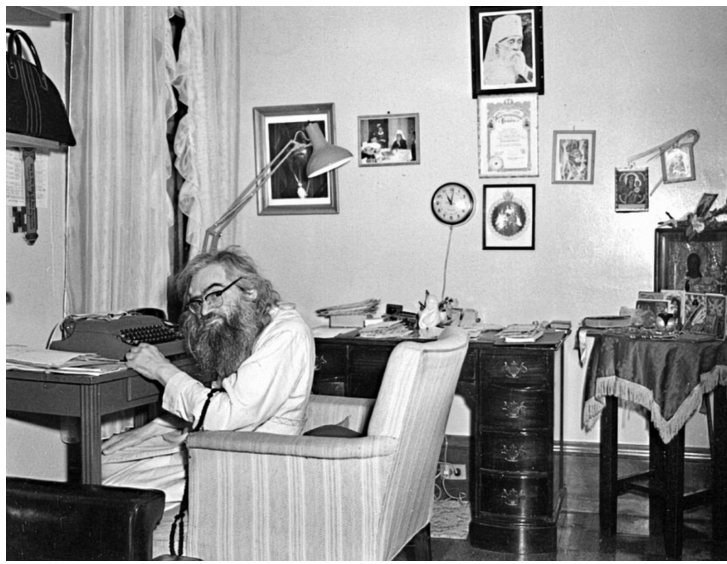
…древних дворцов, монастырей…

Стр. 196

…то в нежной призме освещенья
сияла батюшкина келья…

Стр. 199

…подвижник, явный чудотворец,
чужой и странный для одних,
он был, как древний святогорец…



Стр. 200

…в соборе, в центре Сан-Франциско,
собою освящая град…

Стр. 200

…здесь мощи пастыря лежат,
святитель в помощи так близко…

Стр. 201

…вот предо мною та долина —
калифорнийская Платина…

Стр. 201

…под тень лесов, в объятья гор,
где дышит творчеством простор…

Стр. 203

…а имена монахам сим —
брат Герман и брат Серафим.

Стр. 204

…вот снова батюшкина келья,
виновница моих картин…

Стр. 12

…с ним первым строчками делился,
его порадовать стремился
строфой нелепости любой…

Когда молодые приходят к пожилым за советом, они познают мудрость, проверенную годами. Правда, молодые зачастую думают, что мудрость стариков вся в прошлом, а потому для будущего её секреты не годятся. Но ты запомни: солнце, что светит сегодня, — то же самое, что светило в тот день, когда родился твой отец, и это же солнце будет светить в день, когда последний отпрыск вашего рода уйдёт во тьму.

Д. Клейсон. Самый богатый человек в Вавилоне.

XI. Минута прозы

Друзья мои, что ж толку в этом?
Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
А. С. Пушкин

Внимательный читатель помнит, что свою тетрадь я начал с рассказа об одном американском монахе, а теперь, в завершении работы, хотелось бы несколько детальнее прояснить ситуацию: кто он такой и как мы познакомились.

Начну свой рассказ с давнего эпизода, который подсветит начало моей привязанности к отцу Герману и послужит моментом моего вхождения в ближайший круг батюшкиного общения.

Итак, я стоял на улице в волнительном ожидании его приезда. На улице была хоть зима, но слякоть. Наконец подъезжает его машина, и я спешу

навстречу, чтобы оказать помощь. Далее открываю пассажирскую дверь и как могу помогаю немощному старику с Паркинсоном, диабетом и множеством других недугов осторожно выйти из автомобиля. А он, опираясь на меня и медленно поднимаясь, вдруг крепко сжимает меня за плечи, смотрит в глаза и тихо, чтобы никто не слышал, произносит: «Рома, ты Божий человек! Ты Божий человек, Рома!» В этот момент что-то перевернулось внутри. Я молчал и не знал, что ответить.

Позднее он ещё говорил мне, что я поэт и должен писать стихи. Но какие стихи, зачем мне это нужно? Я работаю в банке, считаю деньги и рифмовать не собираюсь. В дальнейшем он часто просил меня читать ему вслух «Евгения Онегина», а после делился со мной своими наблюдениями и мыслями. Да, по его просьбе я пробовал что-то писать, получалось не очень, но он не обращал на это внимания и только хвалил. Иногда даже просил что-нибудь написать для своего журнала «Русскій Паломникъ».

А однажды предложил соревнование: он и я напишем стихотворение про Валаам. Написали, сравнили, а он только восхищался моим вариантом, особенно последней строчкой «и в сердце — звон колоколов…», и льстил мне, будто я его переплюнул.

Часто на своих встречах представлял меня: «Это Роман, поэт», а я стоял, смущался, молчал или отшучивался, повторяя фразу, которую слышал от него: «Я поэт — имени нет».

Думаю, в этих лёгких штрихах у меня получилось передать смысл педагогического приёма. Метод называется «дорисовывание»[1], им владеют единицы. А тех, кто его освоил, называют учителями от Бога[2].

А теперь, чтобы несколько разбавить мой ностальгический запев, расскажу одну занимательную историю. Даже сказать, конфуз.

Случай в Калуге

Году так в 2007-м мы возвращались вечером с батюшкой и нашей братией из Оптиной пустыни в Москву. По пути решили заехать поужинать в прекрасный город Калугу. Сам город особо не знали, поэтому поехали вглубь в поисках ресторана. И вот он перед нами. Название ресторана за давностью, конечно, не помню, но он был в самом центре, а по интерьеру и своей претензии на столичный замах, полагаю, был самым лучшим в городе.

Перед входом я обратил внимание на семинаристов, или послушников, которые в чёрных мантиях спокойно и открыто проходили вдоль улицы мимо

[1] Метод «дорисовывания». Если ребенок жадничает. Рассказывает Шалва Амонашвили. // URL https://youtu.be/SO1OaLq7D5s, 08.01.2023.

[2] Шалва Амонашвили. Метод «дорисовывания». Пример. // URL https://youtu.be/V3Y0p1YoJUY, 08.01.2023.

нас. Для меня это было в новинку, так как похожего до этого я не видел. Разве что в Риме.

Мы зашли внутрь, но перед раздевалкой менеджер нам сразу объявил, что вход платный и нужно дать ему денег за каждого посетителя. Я спросил: «Почему?» Он ответил: «У нас сегодня выступление, которое нужно оплачивать отдельно». Мы были голодные и с деньгами, поэтому без особых выяснений отдали необходимые бумажки и прошли в зал. Интерьер был приятным: круглые столы и красивые скатерти. Мы сели в глубине зала вкруг, изучили меню и сделали заказ. А потом в процессе мы что-то обсуждали, ожидая долгожданный ужин.

К счастью, нам его довольно скоро подали и мы, помолившись, приступили к трапезе. Зал был наполнен людьми, и, конечно, пожилой монах привлекал к себе любопытные взгляды.

Но вдруг заиграла знакомая и очень красивая мелодия, зал наполнился классической музыкой, и настроение моё еще более приподнялось. Звучала мелодия, которую я, конечно, раньше слышал, но не мог на память правильно произнести имя композитора. Я спросил батюшку: «Кто это?» И он ответил: «Пахельбель». То, что произведение называется «Канон», я еще как-то помнил.

И вот под это плавное и нежное вступление в свободное пространство между накрытых столов и вкушающих гостей стали как лебеди выплывать симпатичные девушки в нарядных длинных платьях. Меня охватило восхищение. Это было и краси-

во, и изящно, и необычно, и, признаюсь, весьма занимательно.

К сожалению, это волшебство длилось немногим минуты четыре. Девушки и кружили, и кланялись, и медленно проводили по воздуху руками, повторяя контуры невероятно красивой для меня мелодии.

И тут началось самое интересное. Как говорится, — разрыв шаблона. Мановением руки скрытого от наших глаз диджея мелодия Пахельбеля вдруг превратилась в забористый техно-транс. Да, назовём его именно так. В общем, зазвучала динамичная электронная музыка, причём, в отличие от предшествующей классики, весьма и весьма громко.

В этот самый момент наши красавицы под мощный драйвовый ритм мгновенно сорвали с себя платья и остались только в одних чулках, трусах и с голой грудью. Их плавные движения удивительным образом трансформировались в резкие движения руками, головой и ногами, причём ноги задирались до головы…

Вот это поворот!

А мы сидим вдали от выхода. А между выходом и нами как раз резво танцующие девушки. Я понимаю, что в такой компании, как у нас, да ещё после Оптины, нам в сем заведении делать как бы уже нечего. Наше присутствие становится неудобным как нам самим, так и окружающим.

Но пока я не понимаю, что мне делать: то ли радоваться, то ли смущаться. Мне всё-таки 24 года.

К тому же такой резкой смены представления я никак не ожидал, как, впрочем, и вся наша братия.

Пока я бегло пытался сообразить, какую эмоцию в текущей ситуации мне требуется выражать, невольно стал наблюдать и за девушками, и за посетителями, и за батюшкой.

Смотрю на отца Германа и понимаю, что он не собирается уходить. Он несколько секунд смотрел как бы сквозь девиц вдаль, но после быстро опустил глаза в тарелку. Смотрю далее вокруг и вижу среди посетителей одну тучную женщину, которая возмущенно смотрит на батюшку и как бы говорит: «Как может этот монах находиться здесь?! На этом зрелище?! Это возмутительно! Позор!» Вижу, как почему-то засуетились организаторы, им тоже стало, видимо, некомфортно. Тогда я по примеру батюшки перевёл взгляд на свою тарелку и принялся доедать ужин.

И тут в самый разгар представления батюшка говорит: «Всё, уходим». Мы резко встали, оставили деньги за ужин на столе и, как ледоколы в замёрзшем океане, стали прокладывать дорогу сквозь обнаженных фурий по направлению к выходу.

Вот если бы в заведении были острые на язык журналисты, то, уверен, мы должны были уже на следующий день появиться в прессе в виде разгромной статьи и фоторепортажа с сочным красочным текстом, фотографиями и кричащим заголовком «Срыв покровов! Как проводят досуг попы́!».

Вот такое приключение. Как мы добирались до Москвы, я уже и не вспомню, зато историю в ка-

лужском ресторане помню хорошо, детально и до сих пор.

Послесловие

Случай в Калуге, конечно, курьезный, если не сказать смешной. И здесь отдельно стоит сказать, что батюшка очень любил юмор: хороший, добрый, утонченный. Он говорил, что юмор и самоирония — это трезвость души, что в монастыре без него сойдешь с ума, а строгие и постные лица там только вредят. Он говорил, что у них в монастыре было правило: если у кого из братии дурное настроение, то он даже не смел смотреть в глаза окружающим, чтобы не заразить их своей тоской. Рассказывал нам такой случай, как они с отцом Серафимом хоронили курицу, которая у них долго жила и приносила яйца. Они выкопали ямку, положили тушу, и отец Герман говорит отцу Серафиму: «А теперь говори надгробную речь». Он в ответ: «Какую ещё речь?» — «Ну как же, она нам была как родная, кормила нас». Отец Серафим понял шутку и начал: «Сегодня умерла наша сестра…»

Я могу ошибаться, но мне видится, что эта весёлость и самоирония, которая привлекала к нему людей, есть подобие старой Оптинской школы старчества (например, в этой связи вспоминается известный святой Амвросий Оптинский). Эта школа отличалась от остальных. Недаром Оптину осно-

вал разбойник, ведь «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8).

Батюшка был очень открыт людям, помню, как мы часто приезжали в кафе «Муму» в районе метро «Аэропорт» и как его там ждала уборщица заведения, чтобы услышать от него добрые, ласковые слова и поделиться с ним своими жизненными невзгодами. И как он о ней отзывался хорошо и молился о ней.

Как-то читал, что есть два типа священников: строгие, принципиальные, властные — их прозвали «Господи, помилуй!», а есть другие: радостные, весёлые, такие блаженные — их зовут «Слава Тебе, Господи!». Вот наш батюшка был из второй категории. Свободный, независимый, настоящий такой апостол (ведь раньше, в древней церкви, была даже такая «должность»). Он повторял, что его любимой книгой была «Деяние святых Апостолов». Она вдохновляла его и двигала вперёд.

Его внутренняя и внешняя свобода, привитая пребыванием в свободной заокеанской стране, очень контрастировала с нашими московскими и вообще российскими священниками, которые жили и воспитывались в период советской цензуры, страха репрессий и тотального контроля со стороны государства, а потому были в сравнении с ним несколько зажатыми. Хотя, конечно, были исключения.

Отдельно сейчас расскажу о моём первом знакомстве с батюшкой. Как-то вечером позвонил мне

мой добрый приятель, который в своё время и открыл мне красоту Православия. Его имя Кирилл. Во время телефонного разговора он стал взахлёб рассказывать мне случай, который произошел с его другом.

— Представляешь, Саша был на православной выставке и, бродя по рядам, увидел там под вывеской «Русскій Паломникъ» отца Германа. Знаешь, кто это?

— Нет.

— Это сотаинник отца Серафима Роуза (Платинского). Тот, кто привёл отца Серафима в православие. Они вместе в лесу в Калифорнии жили. Основали там монастырь. Ну ты что? Книга еще про отца Серафима написана — «Не от мира сего». И вот отец Герман дал Саше свой номер телефона, подарил много книг и журналов, сказал, что он будет его духовным отцом, и пригласил на неделе к себе. Ты понимаешь, какое это событие? Такая величина, то, что мы читали в книгах и в трудах отца Серафима про настоящее древнее монашество, теперь наяву у нас перед глазами здесь, в России. Саша ещё говорит, что у него осталось такое представление, что будто он встретил настоящего апостола, который не по разговорам, а лично видел Христа. А еще у отца Германа на Тверской каждую неделю встречи в православном кафе. Приезжай тоже. Как раз там завтра.

Выслушав такую хвалебную тираду, меня сразу охватило смущение. Америка? Православие? Как-то

не складывается картинка. И мысль такая мелькнула: «Может ли из Америки быть что доброе?» Сразу поймал себя, что это почти точная цитата Евангелия: «*Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри*» (Ин. 1:46).

Так я и решился поехать, благо место было совсем рядом от моей работы, тогда я работал в районе станции метро «Аэропорт».

Приехал заранее. Сижу жду. Кафе в плане покушать, прямо сказать, так себе не столько едой, сколько отношением официантки к посетителям. Было ощущение, что она далека от всего происходящего: холодна и неприветлива, если не сказать больше. Я заказал чай с пирожком, сел за свободный стол, и тут на телефон пришло сообщение от Кирилла, что он опаздывает.

И вот после нескольких минут ожидания в окружении небольшой делегации медленно заходит старец. Посетители кафе пошли к нему навстречу под благословение. Решил подойти и я. Он увидел меня, спросил имя, а потом сказал: «Пойдем, сядешь рядом со мной. Мы будем с тобой говорить о политике...» Это фразой он меня несколько озадачил. Я понял, что дедушка непростой. В юношестве, по правде сказать, я несколько увлекался политикой, смотрел разные аналитические новости, интересовался происходящим в России и мире. Был настроен весьма патриотично и, как полагается, имел критичное мнение по поводу Соединенных Штатов

Америки. Даже по этой причине принципиально не ходил в Макдоналдс, а если звали друзья, — ходил, но ничего там не заказывал.

Батюшка, оперевшись за меня, двигался к своему столу напротив слушателей. Он посадил меня рядом, слева от себя.

«И что я тут делаю? — мысль пронеслась в моей голове. — Да еще перед посетителями?» И тут надо было видеть лицо моего приятеля, который наконец-то добрался и обнаружил меня совершенно ни с чего уже рядом с батюшкой. В общем, так началось моё знакомство и общение с православным монахом из Америки.

А про Макдоналдс тоже забавно вышло. Батюшка оказался большим его поклонником. И часто звал молодежь, и мы шли в это заведение. Конечно, я сразу пересмотрел свои принципы и за батюшкин счёт уплетал всё, что только можно.

Отец Герман рассказывал, что, сидя в Америке, в лесу, они с отцом Серафимом усердно молились, чтобы в голодной советской России появился хотя бы один Макдоналдс. И вот говорит: «Наши молитвы были услышаны». Но, конечно, надо было слышать его интонацию, подачу и юмор во время этого рассказа.

Потом я узнал, что в Америке посещение ими Макдоналдса было как отдельное миссионерское служение. Это прямо творческий подход. Как рассказывал в своём интервью Томас Халберт: «*Отец Герман буквально шёл в Макдоналдс, чтобы пропове-*

довать. Он был одет в подрясник и для американцев выглядел как космический пришелец со своей бородой и одеяниями. Он садился рядом с какими-нибудь ребятами из рок- или панк-среды и разговаривал с ними о жизни. Монахи говорили: «О! Опять этот Макдоналдс!», один из монахов даже назвал это fish burger fund (фонд рыбного бургера). Отец Герман садился в машину или ловил какой-нибудь грузовичок на дороге и говорил: «Мы путешествуем! Мы едем на фишбургеры! Мы будем ловить рыбу (как апостолы)»[1].

Отдельно стоит отметить, что отец Герман совершенно не был для нас каким-то гуру. Эдаким человеком, знавшим тайные тропы или обладавшим секретными знаниями. Как про него однажды сказал высокопоставленный руководитель в Патриархии: «Отец Герман никогда не заслонял собой Бога». Общение с ним всегда было легким, весёлым, а эти удивительные, даже несколько дореволюционные речевые обороты вкупе с утончённым чувством юмора были особенно хороши, от него прямо веяло теплотой и благородством. В данном случае сказывалась, как полагаю, его творческая родословная: бабушка Александра Фёдорова — прима-балерина Мариинского театра, дедушка Александр Фокин — создатель Троицкого театра в Санкт-Петербурге, а также двоюродный дедушка — художник Павел

[1] Игумен Герман (Подмошенский) и православная миссия в США. *Интервью Ксении Ермишиной с Томасом Халбертом* // URL https://pravoslavie.ru/123354.html, 08.01.2023.

Филонов. В общем, для нас, для молодёжи, он был любимым заокеанским дедушкой, приезд в Россию которого мы всегда с нетерпением ждали.

Ещё помню, когда я летел к нему в Штаты, в моей голове вертелось огромное количество мыслей и вопросов по выбору жизненного пути. Но когда я приехал к нему, сел рядом, он в этот момент неважно себя чувствовал, мы молчали несколько минут, но я явно ощущал, что все мои вопросы и сомнения как бы сами собой испарялись. Мне ничего не хотелось спрашивать из того, что я думал, т. к. всё становилось ясно. Через тишину и покой рядом с ним я неожиданно получал ответы.

Его главным делом в России было издательство журнала «Русскій Паломникъ» с его черно-белой печатью, дореволюционной орфографией, юлианским календарём, тонкими дешевыми страницами, но с уникальными материалами и разительной в сравнении с другими глубиной. На фоне современных глянцевых журналов даже в официальной православной среде его труд выглядел необычно, если не сказать странно.

Батюшка шутил про один такой глянцевый журнал, что портрет его главного редактора с каждым выпуском становится всё больше и больше.

Как раз я был у него в Платине, и свежей новостью было то, что его хорошего знакомого назначили на высокий пост в Патриархии. «Как здорово! — говорю я. — Он же вас знает, может, поможет в каких-нибудь вопросах». Батюшка на меня посмотрел,

покачал головой и тихо сказал: «Он несвободен». Собственно, так и вышло.

В контексте «свободы-несвободы» вспоминаются слова Евангелия: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Если немного отступить от данного повествования и попытаться отвлечённо пофантазировать, то предлагаю представить треугольник. Мысленно разделим его на три равные части и подпишем: верхняя часть, допустим, топ-менеджмент, средняя — миддл, а нижняя — обычные работники. На такой картинке видим, что, чем выше находится человек в изображаемой пирамиде власти, тем меньше как бы у него горизонтальная амплитуда движения, то есть меньше свободы, зато есть компенсация за счёт славы, почета, полномочий и прочего.

Возвращаясь к Евангельскому повествованию, глядя на этот треугольник, дерзну предположить, что как бы Пилат и рад был бы отпустить Арестованного, но не мог пойти против толпы, а первосвященник Каиафа хоть и мог бы успокоить спровоцированную им же толпу, но боялся угрозы для своей высокой должности. Христос, как мы знаем, был проблемой властям и будучи младенцем[1], и будучи взрослым. Поэтому и не познали они Истину, которая стояла перед ними оборванная, оплёванная, побитая, с терновым венком на голове, иными словами, выглядела несколько несолидно их статусу и представлению.

[1] Мф. 2:16 — 18

Еще батюшка нам рассказывал, что кто-то посчитал самый частый глагол в Писании и оказалось, что это слово «радуйтесь». К чему он всегда нас и призывал. Говорил, что страх как паралич действует на человека и что страх — это всего лишь вера в триумф зла. Даже было у него такое выражение: «Долой страх в пух и прах». Он отвергал и даже как бы высмеивал все эти «порчи», «сглазы», «шесть, шесть, шесть», «ИНН» и прочие боязни общества. Ведь Евангелие — это про Воскресение Христово, про победу над смертью и этому, собственно, и надо радоваться, а не цепенеть в страхе, пугая себя и окружающих.

Его крылатые выражения — это, безусловно, отдельная история, не всё, к сожалению, помню, хотя сейчас что-то приходит на ум:

1. Я — игумен, но неумен. Вот поп Семён — тот умён.

2. Я поэт — имени нет.

3. Долой страх в пух и прах.

4. Страх есть вера в триумф зла.

5. Человек создан по образу Самого Бога. Бог есть Творец, значит, и человек должен быть творцом.

6. Деньги — это презренный металл, никогда о них не думал, и они у меня всегда были.

7. Мужчина должен быть твёрдым, тогда от него есть толк.

8. Подумать только, в ваших жилах струится кровь Святой Руси и вы наследники её достояния.

9. Какое счастье, что вы родились в России, говорите на русском языке, у вас есть православие и большое количество храмов. Но вы этого не цените.

10. Мужчина должен источать благородство, а женщина — благолепие.

11. «На что жалуетесь, батюшка?» — спрашивает его знакомый доктор. «На самомнение».

12. Да, русские раньше боялись протестантов, но ничего, теперь мы их не боимся, мы их обрабатываем.

13. Некоторые говорят так: «Ничего мой папа не создал, и деревня наша ничего не представляет, да и вообще наша страна… ах, плюгавая Россия, кому это надо… вот Америка, вот да…» Или какая-нибудь Новая Зеландия, где аборигены бегают. А такие, как отец Серафим, смотрят на таких и говорят: «Предатели. Они наследники Святой Руси, прозевали это всё и продолжают».

Вот пусть будет такой легкий набросок к портрету отца Германа. То, что я лично видел, слышал и о чём могу с чистой совестью свидетельствовать. Без него моя жизнь была бы совсем другой и, абсолютно уверен, не такой интересной… А как он вдохновлял нас на творчество и на то, чтобы мы питались красотой искусства и радовались каждому мгновению жизни, чтобы мы жили «в своих домах на земле с фонтанчиком», а не в городских небоскрёбах. Для этого периодически просил нас обращать внимание на героя Левина в романе «Анна Каренина» Толстого.

Его советы с высоты прожитых лет, его вдохновение, его явная прозорливость по ряду моих жизненных событий, конечно, сделали своё дело. Слава Богу за всё!

Он говорил, как важно за свою жизнь что-нибудь написать, советовал каждому из нас вести личный дневник и отмечать в нём положительные моменты прошедшего дня. Это позволяло бы воспитывать в себе вкус к доброму и благодарному отношению к жизни в море окружающего нас житейского страха, осуждения и негатива. «Это необходимо для ваших же детей! Потому что это будет слово из уст отца, моего отца. Отец написал, умер, а мне осталось. Иначе, что останется от отца? Ну туфли, ну носки, ну трубка или фотографии, где папа так или так: с улыбочкой и без улыбочки. Вот и всё…»

В знак признания и благодарности мы с друзьями постарались передать память о нём в отдельной небольшой брошюре, чтобы хоть что-то осталось, а его имя не было предано забвению[1].

И конечно, мы очень счастливы и благодарны Богу за этот дар и за то время, которое мы провели вместе с его абсолютно неординарным служителем. И который по факту принёс достойный плод: основал в США несколько монастырей, активно занимался прославлением новомучеников российских,

[1] Ничего не бойся с нами Бог! Памяти отца Германа Подмошенского. *А. Маторов* // URL http://fatherherman.com, 08.01.2023.

издавал книги и журналы, а также не стоит, конечно, забывать роль батюшки в прославлении государя Николая II, а также святителя Иоанна Шанхайского.

Есть интересная деталь, которая объединяет вышеуказанных святых — это гонения со стороны ближайшего окружения. Государя предали свои же при жизни[1], а потом СССР на 70 лет, включив всю мощь государственной пропаганды, уничтожал память о нём. У советских людей и не осталось другого мнения, кроме негативного. А какая потом еще пошла отрицательная волна перед канонизацией. Что там говорить, у некоторых до сих пор «бомбит» и они не понимают, как это возможно было сделать.

А Иоанна Шанхайского, которого многие знали как бессребреника и явного чудотворца, также «собратья» предали суду, обвинив в растрате при строительстве собора. Но вот незадача — американский суд полностью его оправдал. Позже, после смерти святителя, отец Герман и отец Серафим работали в магазинчике около этого собора и к ним стали приходить люди и рассказывать о посмертных чудесах владыки Иоанна. Они всё записывали, чтобы потом издать книгу. Но и тут, после смерти, стали гнать святителя. К братьям приходили высокие руководители и просили не издавать книгу, т. к. многие, кто гнал архиепископа Иоанна, еще живы. «По-

[1] «Кругом измена, и трусость, и обман!» — запись Николая II в дневнике от 02 (15 н. ст.) марта 1917 г.

дождите, когда они уйдут, тогда и издавайте», — сказали им. «Но если мы будем ждать, пока уйдут гонители, то уйдут и те, кто любили его», — ответили братья и не отступили от задуманного.

Сейчас похожая ситуация и с отцом Германом. Наш православный Издательский совет пока не допускает к распространению книгу о нём, причем без объяснения причин и указания имен. Читают где-то в интернете заметки из категории «интриги, скандалы, расследования» и принимают за чистую монету. Да и лейтмотив этих текстов из серии: «Там такая грязь, лучше туда не лезть». Но почему? Мне, например, очень интересно залезть и сопоставить со своими знаниями и опытом. Но пока то, что я видел в сети, выглядит весьма уныло. Как по словам Пушкина: «*Всё в них так бледно, равнодушно; они клевещут даже скучно…*» И не поймешь, откуда ноги растут, и почему слухам такое доверие. Помните, как говорил Черчилль: «*Ложь успевает обойти полмира, пока правда надевает штаны*». Значит, правда ещё в процессе. Подождём.

Более того, люди, приближенные к священноначалию в высокой должности и лично знавшие батюшку, к тому же публично свидетельствовавшие о нём с доброй стороны, сейчас смиренно молчат. И слава Богу! «Сила Божия в немощи совершается» (2Кор. 12:9) и «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения» (Пс. 145:3), а у пророка Иеремии есть и сочнее: «Так говорит Господь: проклят человек, который

надеется на человека и плоть делает своей опорой» (Иер. 17:5).

Да, на людей, на князей, на должности не может быть надежды. И нам нужно научиться управлять своими некоторыми завышенными ожиданиями.

Батюшка делился с нами своим опытом, что прославлением святого занимается народ, а священноначалие ставит завершающую подпись как факт признания данного события.

Вспомним, как были против канонизации преподобного Серафима Саровского, его отвергали с формулировкой «слишком много чудес»[1], как будто где-то прописана норма. Царь Николай II лично проявил твердость в решении данного вопроса, чем исполнил пророчество «убогого» Серафима: «*Царя, который меня прославит — я прославлю*».

Проблемы с канонизацией царя я уже описывал. А теперь давайте посмотрим на цепочку дальше. Отец Герман приложил много усилий по сбору материалов для прославления Николая II и сонма новомучеников и исповедников российских. Их причисление к лику святых в России произошло на Архиерейском Соборе в 2000 году.

[1] Убогий Серафим и многострадальный Николай. *В. Фомин* // URL https://pravoslavie.ru/1432.html, 01.08.2023.

Интересен факт написания первой иконы государя — ещё до канонизации[1]. По сути, получается, что трудами отца Германа исполнилось пророчество преподобного Серафима. Такое личное наблюдение, не более того.

В контексте наших земных мытарств прославления, не дай нам Бог идти против рожна[2] или вместе с водой выплеснуть ребенка. Бог всё равно возвысит своих, а мы останемся в истории лишь нерадивыми делателями с синдромом «начальника шлагбаума» и незавидной судьбой.

Отдельной ремаркой отмечу, как сильно впечатлила меня некоторое время назад одна мысль. Мы здесь, в России, особенно молодежь, мечтаем об Америке, о Калифорнии, о центре высоких и современных технологий, который находится неподалеку от Сан-Франциско… А было время, причём время расцвета Кремниевой долины, когда совсем рядом, в платинском лесу, сидели два «сумасшедших» монаха и мечтали попасть в закрытую Россию. Потому что там преподобные Сергий Радонежский, Серафим Саровский и Амвросий Оптинский, святители Димитрий Ростовский, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский и многие, многие другие. Они жили этой идеей и жаждали духовной

[1] О чудотворном образе государя императора Николая Второго. *Е. Натыкина* // URL https://pravoslavie.ru/93129.html, 01.08.2023.

[2] Деян. 9:4—5.

жизни в противовес, скажем так, нашей несколько телесной американской мечте. И к нашему счастью, одному из них удалось реализовать задуманное и приехать в Россию. Это был отец Герман.

Действительно, их мечта может показаться весьма странной с высоты нашего рационального опыта и взгляда, но здесь вспоминаются слова, записанные в книге пророка Исайи и разделяющие границы духовной и мирской жизни: «*Ибо мысли Мои — не ваши мысли, и ваши пути не Мои пути, говорит Господь. Ибо как небеса возвышаются от земли, так возвышаются пути Мои от путей ваших и мысли Мои от мыслей ваших*» (Ис. 55:8).

А завершаю тетрадку удивительно красивым византийским распевом на греческом языке, который снова и снова повторяет нам центральную мысль всего христианского мира, постепенно отвечая на вопрос, «почему» и «чему» мы должны радоваться и для чего продолжать жить, несмотря ни на что…[1]

[1] Христос Анести. Византийский распев. Гармонизация А. Гусева. Солист А. Кротов. // URL https://youtu.be/DNew8LDI6JI.

Оглавление

I. ЭПИГРАФ С БИОГРАФИЕЙ 8
II. ПРЕДИСЛОВИЕ 9
От автора 9
Благодарности 11
Вступление 17
III. КОРОТКИЕ 21
Вдохновение 21
Моя любовь 22
Женщинам 23
Поздравление 23
Полине 24
Сообщение 26
Солнечное 26
Ко дню рождения 27
Себеж 28
Из Петербурга 29
В Москву 30
Сочи 31
Украина 32
В саду 32
«Какая осень золотая...» 33
«Я счастлив слышать смех детей...» 33
Окно в зиму 33
Детское предновогоднее 34
«Родился Пушкин! С днём рожденья всех...» 34
Весеннее 35
Диетическое 35

Гарсон 35
Посвящение М. Казинику 36
«Поэт, мы знаем, вид упрямый…» 37
«Он звал нас с собой! В поэтический мир!..» 37
«В его грубой лести, лишь запах цены…» 37
Рецензия 38
«Люблю читать я вашу книгу…» 38
Эпиграмма №1 39
Эпиграмма №2 39
Эпиграмма №3 40
Эпиграмма №4 40
«Вот на экране королева!..» 41
«Беда не в том, что критик он журнальный…» 42
Ответ 42
Первая 43
О гордости 43
Об отношениях 44
О потреблении 44
О спекуляциях 45
О финансовой грамотности 45
О грамотности 46
О целях 46
О скорби 47
О свободе слова 47
О пароле 48
Картина 48
Одноразовая жизнь 49
Реклама №1 50
Реклама №2 50
Реклама №3 51

Реклама №4 ... 51
Реклама №5 ... 51
Отзыв ... 52
«Санкт-Петербург. Культурный шок...» ... 53
«Но вызвать чувства — невеликий труд...» ... 53
«Спешу обрадовать, друзья...» ... 54
«С наследником гуляя по Арбату...» ... 54
На пятилетие ... 54
«Пополнился наш мир мужчин...» ... 55
Закопайте меня на Луне ... 55
История СССР ... 56
Комментарий ... 57
Ультиматум ... 58
План спецоперации ... 58
«В Раю ведь всё нам было можно...» ... 59
«Адам был сотворён из праха...» ... 60
Донос ... 60
«Себе же лгу, что я смиряюсь...» ... 61
Апокалиптическое ... 62
«А вдруг в последних временах...» ... 62
«Посвящение Алле, моей дорогой маме...» ... 63
IV. ПОЛУДЛИННЫЕ ... 64
Притча о народе ... 64
Поэт ... 66
Чего бояться мне ... 67
Сон ... 69
Музей-усадьба «Поленово» ... 70
Дом-музей Чуковского ... 71
О Сирии ... 72
О враждебном окружении ... 73

Моя Россия ... 74
До встречи ... 77
Последний император ... 78
Эпиграмма на А. Невзорова ... 80
Эпиграмма на Д. Быкова ... 81
«Прощай, немытая Россия...» ... 82
Пародия ... 84
Дух бунтарства ... 88
Цветы и жизнь ... 89
Я вас любил... ... 90
«Не пей, народ великорусский...» ... 91
На Рублёвке ... 92
Офис ... 96
Награда ... 98
О санкционных напитках ... 99
Петроградский вояж ... 100
Прощайте, годы молодые ... 102
Принципы ... 103
V. ДЛИННЫЕ ... 104
Размышление о человеке ... 104
Пушкин ... 113
VI. ДАВНИЕ ... 150
Манящие берега Индии ... 151
О Победе ... 164
К приятелю ... 165
Ко дню рождения ... 166
Валаам ... 167
О современном искусстве ... 168
Апостол ... 176
Любовь ... 178

VII. ПРАВОСЛАВНЫЕ 180
Воскресение Христово 180
Гнев пророка 182
Письмо духовному отцу 184
Письмо духовному отцу из Себежа 186
Рождественская ночь 189
Святая радостная ночь 190
Рождественская песенка маленьких пастухов 191
Воспоминания о Платине 194
Вторым крылом 206
VIII. ЭПИЛОГ С ЭПИТАФИЕЙ 207
Эпилог 208
Эпитафия 209
Постскриптум 210
Записка 212
Чистосердечное 214
«За всё благодарю Творца…» 215
IX. ОТЗЫВЫ 216
Юлия Пикалова 216
Рогволд Васильевич Суховерко 218
о. Герман (Подмошенский) 222
X. ФОТОЦИТАТЫ 224
Стр. 10 224
Стр. 28 225
Стр. 29 226
Стр. 35 227
Стр. 31 228
Стр. 33 229
Стр. 54 230
Стр. 33 231

Стр. 54 232
Стр. 102 233
Стр. 151 234
Стр. 154 235
Стр. 154 236
Стр. 155 237
Стр. 155 238
Стр. 156 239
Стр. 158 240
Стр. 158 241
Стр. 159 242
Стр. 160 243
Стр. 160 244
Стр. 160 245
Стр. 196 246
Стр. 199 247
Стр. 200 248
Стр. 200 249
Стр. 201 250
Стр. 201 251
Стр. 203 252
Стр. 204 253
Стр. 12 254
XI. Минута прозы 256
Случай в Калуге 258
Послесловие 262

Роман Л. Петров

Посвящения
Тетрадь стихотворений

Корректор Елена Кормильцева
Корректор Татьяна Клюева
Корректор Алексей Леснянский
Дизайнер обложки Ольга Третьякова
Верстка Ольга Черных

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самопрезентация

НЕ ПЕЧАТАТЬ

ISBN 978-5-0059-6070-2

